



БАРТАЛОМЕЙ СОЛО

ДРАМА

11



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

# Барталомей Соло

## Драма 11

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=42675773](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42675773)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Молодой сноб Илларион Федорович Лихачевский прибывает в глухую деревню Большая Рука в поисках сенсационного материала для своего журналистского портфолио. В деревне без вести пропадает шестилетняя девочка и репортаж об этом событии должен всколыхнуть общественность, а также добавить очередную награду в послужной список эпатажного журналиста. Однако, чем глубже Илларион Федорович погружается в жизнь Большой Руки, тем более странные детали всплывают в интересующем его деле. Странен как сам уклад жителей деревни, так и царящая в воздухе атмосфера, да и похищения, судя по всему, случались здесь и раньше. Содержит нецензурную брань.

## От автора

История, представленная в этой книге, является вымыслом (в большей степени). Автор не разделяет политические взгляды и убеждения героев, не призывает ни к чему читателей, не имеет устремлений оказать на кого бы то ни было какое-то влияние. Мало того, автор полностью аполитичен и не имеет никаких либо притязаний в той или иной сфере жизнедеятельности. «Драма 11» – это художественное произведение. Я всецело надеюсь, что по прошествии лет, а быть может и раньше, данное вступление и вовсе будет неуместно в этой книге, а пока лишь я желаю читателю приятного прочтения.

Если вы читаете это так называемое предисловие, значит у вас в руках находится второе издание «Драмы 11». В нем я исправил некоторые ошибки и неточности, которые были допущены в первой редакции (я работаю без профессиональных редакторов и корректоров, так что текст, который вы читаете, полностью является авторским. Это даст мне возможность оставаться беспристрастным и не ограничивать себя самоцензурой). Новости, связанные с моим творчеством вы всегда можете узнать на моем официальном сайте: [www.bartalomeisololo.ru](http://www.bartalomeisololo.ru), а заглянуть в личную жизнь можно через страницу в «Инстаграмм»: @bartalomei\_solo.

Приятного прочтения!

# ЧАСТЬ I

Запись 1

26 июля 2018 года

Записи я начал делать еще в поезде, последовав совету своего интеллигентного друга по клубу любителей изысканных оргий. Он, то есть Гарик, мой друг, вечно раздражающе улыбался и выглядел весьма жизнерадостным человеком, чего нельзя было сказать обо мне – мрачном бледнолицем интеллигентишке с тянущимся по следу душком высокомерного снобизма. Я и раньше пытался вести дневник – в пору начального студенчества во Франции, да и еще раньше, в период, когда предвыборным обещаниям кто-то верил. Но, будучи человеком, которого тошнит при одной только мысли о том, что нужно повторять что-то вновь и вновь, производя однотипные монотонные действия на постоянной основе, я ни разу не довел свои записи до хоть сколько-нибудь пригодного виду. Уповаю на то, что на сей раз мне удастся одержать победу в этом сражении с самим собой, ибо дело, как мне думается, стоит того, чтобы быть записанным. Именно поэтому, кстати, я и отдал предпочтение поезду Санкт-Петербург – Екатеринбург, который целые сутки будет нести меня из прекрасного европейского города в сторону варварских восточных угодий. Целые сутки мне предстояло провести в одиночестве, что будоражило мой рассудок, ведь я, как

и всякий питерский щеголь, имеющий за пазухой счета с достаточным количеством нулей, был обречен коротать свои дни в обществе пиявок, профессионально чующих запах денег за версту. К тому же командировка обещала быть весьма занятой (если не брать в расчет мое отвращение к периферии), так что моему шефу не пришлось меня долго упрашивать.

Мой шеф, он же главный редактор медиаресурса «Атлас Медиа», он же родной мой дядька по матушкиной линии, руководил довольно крупной конторой, которая освещала события, происходящие в России, для жителей западной Европы. Занятое развлечение для цивилизованных Homo Sapiens, которым приоткрыли рваную шторку, давая уникальную возможность тешиться и тихо охуевать от жизни на задворках Великой Империи. Привыкшие к теплу и комфорту европейцы делали моему дядьке неплохие рейтинги, и он, поймав однажды волну, успешно окучивал свой участок. Стоит отметить, что мой польский родственник был человеком ушлым и прозорливым, каким и следует быть редактору ресурса, выворачивающего наизнанку всю подноготную грязь русского безумия и предлагая эту грязь на золотом подносе для избалованных сытой жизнью западных потребителей.

Я работал в «Атлас Медиа» всего полгода, занимая должность регионального журналиста, и, признаюсь, поначалу рассчитывал, что не протяну на этом посту и пары месяцев,

покинув гавань журналистики точно так же, как некогда бросил я прежние свои многочисленные увлечения. И это к двадцати трем годам. Но дядька мой, Анджей Павлович, не поддавался на провокации, которые я отчебучивал с периодичностью пару раз в неделю и все так же на свою голову доверял мне весьма ответственные участки. Со временем в конторе у меня сложилась репутация повесы, который, будучи пристроенным под крылом родственничка, позволяет себе больше, чем кто-либо, а делает, соответственно, куда меньше. Зарплата у меня была неплохая – хватало на один хороший кутеж, иногда даже опохмелиться. Кутил я обычно в компании малознакомых мне лиц, будоража град Петров с такой харизмой, что еще потом долго ходили толки о моих экспериментальных приключениях. Гарик, да и прочие мои знакомцы, не дадут соврать.

И вот я ехал в купе, слушая монотонный стук колес, а в окне проплывали унылые просторы бескрайних русских земель, торжественно кричащие о величии и могуществе моей родины. Пейзажи эти не украшали исполинские глянцевые ветряки, не было по пути монументальных фабрик, не встретились мне многоуровневые автомобильные развязки, да и дороги, если быть честным, мне тоже не повстречались. Сплошные леса, покосившиеся заборы, лежащий десятилетиями хлам и обезображенные суровостью бытия дикие рожки на станциях. Я было думал сначала полететь на самолете, но на днях я сильно кутил, а после кутежа я еще пару дней

испытываю лютую ненависть к людям, к тому же мной овладевают суицидальные настроения – результат побочных эффектов от смеси самых разных химических препаратов. Лететь даже в бизнес-классе в таком состоянии было бы с моей стороны непроситительной необдуманностью. Так выбор мой пал на железную дорогу, да еще и Гарик, мой друг, с этими дневниками... «Попробуй, – говорит, – мысли на бумагу излагать. Помогает, зуб даю». Решено! Я выкупил сначала целое купе, дабы насладиться сутками благородного одиночества, но потом подумал, что могу встретиться с кем-то в коридоре, и забронировал под свои нужды целый вагон. Блаженству не было предела, и я даже подумал о том, чтобы отправиться дальше, на Восток, ближе к стране восходящего солнца, но на этот раз чувство долга победило во мне бунтарские порывы, и я сошел на станции железнодорожного вокзала Екатеринбурга. Жаль, что вы, читатель, не видели мину отвращения на моем снобистском лице, когда я ступил на перрон. Этот мерзкий запах машинного масла и пережаренных чебуреков, эти суетливые беспородные людишки вокруг, эта гнетущая атмосфера безнадежности, от которой и без препаратов жить не захочешь. Что творилось у меня на душе? Не передать словами. С ужасом я метнулся в сторону встречающего меня проводителя, который стоял среди толпы таксистов и прочего отребья, с табличкой «Лихачевский».

– Илларион Федорович? – сопровождающий заглянул мне

в глаза, и я хотел сказать «нет», когда увидел его потные подмышки. Засаленные растрепанные волосы, грязные ботинки и прыщавое его лицо едва не развернули меня обратно. Но чувство самосохранения перебороло во мне чувство пренебрежения, и я утвердительно кивнул.

Он проводил меня к машине – черный микроавтобус «Мерседес», усадил назад, а сам метнулся обратно к вагону, чтобы помочь с багажом. Два моих чемодана стояли как этот «Мерседес», а их у меня с собой было шесть. Еще две коробки с обувью, сумка с техникой и личная желтая сумка с самым ценным содержимым на все случаи жизни. Подмышки водителя после нескольких ходок сделались еще более мокрыми, он как-то недобро на меня покосился, запрыгнул за руль и наконец тронулся. Мы покидали центр Свердловской области, отправляясь на юго-запад в сторону захолустной деревушки под названием Большая Рука, раскинувшейся в пятидесяти километрах к югу от Екатеринбурга. Водитель первое время ехал молча, изредка поглядывая на меня через зеркало заднего вида, но потом зачем-то решился заговорить.

– Как добрались? – спросил он осторожно, стараясь затмить вежливостью свою истинную плебейскую натуру.

Я оторвался от ноутбука, где как раз заканчивал предложение о моем дядьке Анджее Павловиче, и недоуменно уставился на этого наглеца. Он ждал от меня ответа. Ах, если бы я был пьян в тот момент или, еще чего хуже, под воздействи-

ем какого-нибудь сильнейшего наркотика... Но я был трезв как слезинка, ибо Гарик, мой друг, настрого не рекомендовал мне писать под мухой, и я в коем-то веке решил воспользоваться его ценнейшим советом.

– Я не желаю общаться, – ответил я, экономя свое драгоценное время. Таким образом я отсекаю себя от различных объяснений и бестолковых разговоров.

– Простите? – нахмурил брови настойчивый водитель. Возможно, я задел его чувства своей резкостью, но к таким ранимым индивидам за долгие годы в Санкт-Петербурге у меня уже успел выработаться особый подход.

– Десять тысяч за молчание, – выпалил я, – и минус одна тысяча за каждое слово.

– Но... – попытался что-то вставить еще больше вспотевший водитель.

– Девять, – прервал его я, и остаток пути мы ехали в тишине.

Унылый пейзаж за окном меня нервировал. Машина то и дело подпрыгивала на кочках, коими была устлана «дорога» будто противотанковыми минами. Чернеющие по краям поля горели. Раздолбанные грязные деревушки навевали тоску. Мимо пронеслись блестящие черные машины с мигалками, устремившись куда-то в область. О, Русь! Люблю и ненавижу!

Нам понадобился час, чтобы добраться до Большой Руки. Признаюсь, я как следует подготовился к этому путеше-

ствию, изучил всю доступную информацию, и мне казалось, что удивить меня по приезду будет нечем. Как же я ошибался! Была бы моя воля, я переименовал бы эту Большую Руку в Большую Жопу и был бы куда ближе к истине. Дорога кончилась, как только мы свернули с федеральной магистрали и на смену, пускай и дырявому, асфальту пришло и вовсе размытое бездорожье. Водитель нажимал на педаль газа с такой силой, как будто он боролся за первое место Гран-При в Монако, а навстречу нам ехали охраняющие от столбов пыли деревенские мужики на телегах и мотоплугах. Лошади шарахались в сторону, мужики грозили водителю кулаками, выкрикивая бранности в сторону быстро удаляющегося «Мерседеса». Большая Рука показалась минут через пятнадцать, когда задница моя уже порядком окаменела от потрясений. О том, чтобы поработать в дороге, речи уже не шло, но и на разговор я все еще не созрел. По информации, которую мне удалось добыть, в Большой Руке проживало около двух тысяч жителей, однако точную цифру никто не знал. Из достопримечательностей здесь был детский дом, церковь, психиатрическая больница и какой-то древний монастырь в паре-тройке километров. Если двигаться на восток дальше, можно было бы наткнуться на вторую деревню – Малая Рука, где проживало три тысячи жителей. Больше в округе на пятьдесят километров, кроме лесов, болот и равнин, ничего не было.

Отелей в этой бездне, естественно, не нашлось, и поэто-

му я снял целый дом на возвышении, принадлежащий двум местным пенсионерам. Их нашел потный водитель, с которым мой питерский помощник Олег держал связь по «Скайпу». За месяц проживания (а я серьезно надеялся, что покину это место гораздо раньше) я должен был заплатить пятьдесят тысяч рублей. В эту сумму, помимо самого дома, должны входить услуги горничной, прачки и повара. Проститутки оплачивались отдельно.

На въезде в деревню толпился народ. По моим подсчетам, жителей сорок, может, немногим больше. И где только была в тот момент полиция? У нас в Питере собирались и меньшими кучками, так их тут же крепили люди в бронежилетах по статье за несанкционированные собрания. Крестьяне облюбовали улицу, провожая черный микроавтобус любопытными взглядами на своих искаженных провинциальными тяготами физиономиях.

– Откуда они знают о моем приезде? – встревоженно спросил у водителя я, глядя в окно. Он не ответил, лишь попытался изобразить какую-то пантомиму, жестикулируя. Боялся потерять оставшийся аванс за молчание. – Говори, получишь свои девять тысяч. Правило с этого момента больше не работает.

– Тут слухи разлетаются быстро, Илларион Федорович, – с облегчением проговорил водитель. – Все только и делают, что сплетничают, а уж если случается что-то вроде приезда человека, подобного вам...

– Эх, крестьяне, – с грустью проговорил я, глядя на их любопытное ликование. – И зачем вам эта демократия?

В Большой Руке было семь улиц, три переулка и площадь с водяной колонкой в центре. Главная улица, по которой мы ехали, называлась... Ленина, конечно. Кто такой Ленин, здесь знали почти все жители, а вот дальше сложнее. Пушкина, конечно, тоже знали. Школа, какая-никакая, тут тоже была. Тургенева, как же без Ивана Сергеевича? Гагарина, о как! Революции, естественно. Со Свердловым и Калинином было труднее – советские функционеры остались в памяти только у самых старых жителей деревни. Переулки носили названия Первомайский, Героев-десантников и Московский, а площадь – Суворова. Дом, который я арендовал, расположился в юго-западной части деревни – на пригорке. Он величественно возвышался над всей Большой Рукой, открывая вид на сие убогое поселение. Остальные строения на этой высоте не дожили до наших дней, брошенные хозяевами, которые либо умерли, либо уехали. С точки зрения практичности, место не самое удачное. Дом находился в отдалении от центра деревни, однако выбор мой пал именно на этот объект, ибо в борьбе эстетики и практичности на моем поле брани почти всегда побеждает первая. К тому же жить в отдалении от крестьян – весьма неплохая прерогатива для подобного мне придиры. Машина остановилась возле пункта назначения, и мой водитель метнулся к двери, чтобы в очередной раз услужить мне. Я вышел и тут же ступил ногой в

коровью лепешку.

– Вот блядь! – выкрикнул я, едва не разодрав глотку, и уже хотел было прыгнуть обратно в «Мерседес» и умчаться прочь из этой проклятой дыры, где каждый шаг может стать последним. Мои крокодиловые туфли теперь предстояло выбросить, а я ведь обул их первый раз с тех пор, как в одном из ателье Лондона последний в своем роду семидесятилетний башмачник презентовал их мне с персональной скидкой всего лишь за шесть с половиной тысяч фунтов. Ну, разве можно это, Илларион Федорович, одновременно жить в двух мирах?

Оторвав взор от картины «Крокодиловые туфли и коровье говно», я уставился на встречающих меня бабу и деда. Они стояли у входа во двор, склонив головы, будто крепостные перед своим хозяином, и я, откашлявшись, scomандовал: «Вольно». Бабу и дед выпрямились, их морщинистые лица растянулись в беззубых добродушных улыбках. Бабу была маленькой, пухленькой, сморщенной, голова покрыта цветным платком, на ногах потрепанные резиновые сапоги. Дед – худющий, лысый, нос картошкой, в военном камуфляже без опознавательных знаков, в резиновых шлепанцах. Не то чтобы юродивые, но и не ухоженные, они с восторгом смотрели на меня, словно перед ними был сам Иисус, вышедший из пещеры, а то и царь, какой-нибудь Павел али сам Александр-освободитель. Водитель с мокрыми подмышками открыл багажник и принялся заносить мои пожитки в

дом. Я еще раз посмотрел на свой башмак, изысканно чертыхнулся и прошел во двор, не дождавшись от застывших, будто истуканы, владельцев приглашения.

– Доброго здравия, хлопец! – выпалил дед, протягивая мне руку. Я пожал ее с нескрываемым пренебрежением, ощутив тяжесть и шероховатость потрепанной тяжелым трудом кожи.

– Я не здороваюсь за руку, не обнимаюсь и не целуюсь, – выпалил я на одном дыхании, протирая ладонку после рукопожатия шелковым платком. – Запомните это. Часто бываю не в духе. В такие моменты ко мне лучше не соваться – и сейчас именно такой момент. Иногда ухожу в запой – тогда от меня нужно оградиться, запереть все двери и по возможности вколоть препараты, но это крайняя мера. Список микстур, способы их применения и случаи, когда их необходимо использовать, я передам вам в виде сводной таблицы.

Дед с бабкой переглянулись в испуге.

– Дальше, – продолжил я, шаркая измазанной туфлей, которая не давала мне покоя, по траве. – Физический труд не переношу, просить о помощи у меня не нужно. Завтрак должен стоять на столе к одиннадцати утра, если я не пьянствовал, и к трем часам дня, если пил. В этом случае необходимо подать спектр медицинских препаратов в определенном порядке и дозировке – опять-таки возвращаемся к моей таблице. Обедать я буду вне дома, ужин подается через полчаса после моего возвращения вечером. Имейте в виду, что ужин

может быть поздним, также имейте в виду, что я могу прийти не один. Продукты будет привозить Артем, – я глянул на водителя. Он поднял брови, удивляясь тому, что я все это время знал его имя. Но память моя всегда была козырем среди вереницы моих пороков и недостатков. Мое секретное оружие. Я мог запомнить стих любой сложности после первого прочтения, цитировал наизусть сложные философские труды, которые изучал несколько лет назад, а также в совершенстве знал шесть языков, помимо родного русского. Айкью мой в четырнадцать лет был сто семьдесят, и с тех пор я его не измерял, хотя глубоко внутри чувствовал, что теперь он значительно выше.

– Утром я медитирую, – продолжил я, – так что выделите мне ровное тихое место где-нибудь на заднем дворе или на веранде. Животных не переносю, если есть собаки или кошки, придется отдать их на время моего пребывания. Домашний скот не возбраняется, если не издает громких звуков и мерзких запахов. Алкоголь будет привозить Артем из Екатеринбурга. У меня будут гости – редко, но это неизбежно. В такие моменты вас не должно быть видно и слышно. И что бы ни происходило, ни в коем случае не мешайте мне. Называть меня нужно будет по имени-отчеству, а именно Илларион Федорович.

– Я – Агап, это Мария, – выпалил дед, и они снова поклонились в пояс. Я смерил их противоречивым взглядом, в котором смешалось пренебрежение и жалость.

– Я в курсе. А теперь пройдемте в дом, мне нужно срочно принять душ после утомительного путешествия.

Артем выгрузил из багажника последние три ящика с алкоголем, которые Олег заказал ему еще из Питера. Шесть бутылок двенадцатилетнего односолодового, шесть бутылок красного французского вина из Прованса и для затравки четыре бутылки рома. Этого должно было хватить на три-четыре дня, но после увиденного я больше не был в этом уверен, и поэтому, снабдив моего Артема тридцатью пятидесятичными купюрами, приказал ему возвращаться с новой партией послезавтра, и он был таков.

Я прошел во двор вслед за Агапом и Марией, стараясь не думать о своем опороченном крокодиловом башмаке. Двор на удивление был аккуратно убран – с вишневыми деревьями и малиной вдоль забора, с вымощенными камнем дорожками и даже с каким-то подобием лужайки у крыльца. Лишь только от одного порыва русской души хозяевам не удалось удержаться – в дальнем углу аккуратно сложенный хлам (старые батареи, руль от велосипеда, автомобильные покрышки) был небрежно прикрыт пупырчатой пленкой. Нет, эту любовь к старому бесполезному мусору не под силу вытравить даже капитализму. Пускай мусор, зато бесплатно. Голодные годы в Совке еще не скоро забудутся стиральщиками пакетов.

Сам дом был достаточно большим – с четырьмя спальнями, верандой, с просторными балконом на втором этаже.

Свежая побелка радовала глаз, на заднем дворе раскинулся огород, а чуть дальше, уже за многочисленным персиковыми деревьями, был скотный двор. У деда имелось четыре коровы, свинарник, куры, прочая птица и даже две лошади. Я обрадовался, потому что на лошади пьяным я давно не гарцевал.

Когда-то это было поместье какого-то мелкого князька. Он выстроил себе здесь дачу при Александре Третьем. Всего один раз, уже в почтительном возрасте, приезжал погостить с внуками при Николае Втором, а при Ленине... При Ленине он тут уже не появлялся, и имение заняли, как водится, состоявшие у него на службе мещане. Агап был правнуком тех самых служивых, жизнь которых в один миг изменил Красный Октябрь, сделав их хозяевами родового дворянского поместья. Так и жили они здесь вдвоем, сначала при Компартии, а теперь и при «Единой России». В поместье. Я в очередной раз усмехнулся себе под нос, даваясь диву странностям русского раздолья.

Мне предстояло занять весь второй этаж. Поселили меня в самую просторную спальню с балконом и тремя окнами, из которых прилично дуло. Вещи мои уже томились в ожидании, я сбросил в коридоре свои испорченные башмаки, приказав бабке их сжечь, и прошел в комнату. Было светло и по-аристократически приятно. Видимо, в этой комнате никогда не жили – деревянный пол не скрипел, вензеля все были на месте, а стены и потолок как будто только вчера под-

штукатурили. Взгляд мой пал на портрет Хрущева, который висел над кроватью, затем переключался на икону, что располагалась слева от генсека. Поморщившись, я приблизился к столь смело оформленной композиции, снял по очереди оба портрета, прошелся неспешно к балкону и выбросил сие творения за борт. Агап смолчал, Мария перекрестилась.

– Ванна готова? – осведомился я у Марии. Бабуля кивнула и убежала вниз, чтобы добавить кипятка в бадью. – Напитки?

– Что будете пить, Илларион Федорович? – спросил Агап.

– Вино. Сегодня у меня дело в городе, так что ограничимся бутылкой. Позаботьтесь, чтобы через час был подан автомобиль.

Я наскоро скинул пропахшие потом вещи и облачился в свой любимый изумрудный шелковый халат с вышитым золотом воротом. Спустился вниз, проникнув на веранду, которая выходила на задний двор и служила местом для приема водных процедур. В центре стояла деревянная бадья с горячей водой, рядом – столик с бутылкой вина. Мария ждала дальнейших указаний. Я ловким отточенным движением сбросил с себя халат, оставшись в negligé, и забрался в воду. Слегка сконфуженная бабуля подобрала мои вещи и ретировалась. На смену ей прибежал взволнованный Агап с моим телефоном. Я нехотя взял аппарат из рук старика. Звонил мой дядя Анджей.

– Слушаю.

– Ларик! – донесся хриплый взбалмошный голос на том конце. – Ты как там? Добрался, племянник?

– Да.

– Пьяный уже, небось?

– Пока нет.

– Ты же помнишь...

– Помню. У меня нет проблем с памятью, дядя.

– Послушай, дело серьезное. Это может быть настоящая бомба! Не подведи, племяш!

– Я пока не уверен, хочу ли здесь оставаться дольше двух дней. Но постараюсь выполнить эту работу быстро и качественно.

– Хорошо. Как ты там вообще? Что интересного?

– Да вот, в говно наступил...

– Ай, все, давай!

## Запись 2

Тот же день

Мотор нес меня вниз с горы – вымытого и надушенного превосходным французским парфюмом и готового ринуться с головой в исполнение миссии, ради которой я и прибыл на сей край света. На мне был костюм от «Прада», который приятно облегал распаренное благоухающее тело, а настроение постепенно улучшалось, ведь за бутылкой вина сразу же последовал виски, ибо я решил, что ехать трезвым – авантю-

ра сомнительного характера. Старенькая «Волга» была ухожена, если не считать пару потертостей на пластике и дыру на обшивке сиденья. Водитель Иван входил в число редких дарований в деревне, кто вообще умел управлять автомобилем. Водительского удостоверения, конечно, у него не было – в таких местах нет надобности в документах, но рулил он весьма прилично, к тому же Артем заверил меня, что это самый ответственный и дисциплинированный житель Большой Руки. Основываясь на его рекомендациях, я и взял себе в водители именно этого трудягу. Это был светловолосый бледный парень лет двадцати пяти, в блестяще отглаженной белой рубашке, в брюках со стрелками, которые он натягивал выше пупа, и в протертых, но начищенных и ухоженных туфлях. Иван был человеком скромным и исполнительным, судя по резюме, а также обладал дисциплиной и выдержкой. Что ж, мне предстояло проверить столь смелые заверения на личном опыте.

В зеркале заднего вида, помимо Ваниных пристальных взглядов, я обнаружил и свое отражение. Бледное выбритое лицо со впалыми щеками, светло-серые грустные глаза, едва алые губы и тонкие ухоженные брови. Нос мой был больше среднестатистического, лоб свободен от морщин, шея была тонкой и длинной, а темные короткие волосы поблескивали, аккуратно уложенные специальным средством. Попахивало истинным дворянином, которого волею судьбы занесло в жуткую крестьянскую клоаку. В свои двадцать три я выгля-

дел на тридцать два, но это ли не преимущество для мужчины, не привыкшего подавлять свои сексуальные слабости? Я носил костюмы исключительно частного покрова, духи заказывал в Париже, обувь – в Риме, сигары – на Кубе, там же – ром и иногда кубинок для эксклюзивных оргий, которые мы часто устраивали с моим другом Гариком. Ах да, дорогой читатель, наверное, стоит разъяснить происхождение моего состояния, ибо я свойственный мне образ жизни давно принимаю за норму, но вот человек сторонний и далекий от подобных феерий безумия может задаться соответствующим вопросом. Что ж, по порядку. Я родился в тысяча девятьсот девяносто пятом году, а за три года до этого батя мой в одночасье из какого-то третьесортного отставного функционера превратился во владельца нескольких заводов в Сибири. Золото, металлургия, газ. Эти три слова навсегда определили мою дальнейшую судьбу. Как человек партийный, пускай и низкого разряда, папка мой водил дружбу с разными высокопоставленными личностями, и один из его давних приятелей, чекист с весьма сомнительной репутацией, предложил ему провернуть операцию по почти легальному захвату этих самых сибирских заводов. Операция была завершена с успехом по образу и подобию прочих схожих делишек, благодаря которым весьма недалекие, но наглые и удачливые советские бездарности взлетели до невиданных ранее высот. В подробности тогдашних дел я не вдавался, но именно с тех пор на голову нашу посыпались купюры самых разных

номиналов. Став богачом, папка бросил свою первую жену – советского покроя тетку с животом как у Будды и характером как у Цербера, и женился на двадцатилетней модели каких-то древних польских кровей. Обедневшие пращурьы ее были графами Речи Посполитой, так что фамилия моего отца, взявшего графиню в жены, была официально внесена в реестр дворянских родов и мы даже получили свой герб. Эта польская модель родила меня. Единственное, за что я мог бы сказать ей спасибо, так это за греческий профиль, который не раз помог мне затащить на постельные баталии таких нимф, о которых не мечтал и сам Зевс. Ну, и за герб тоже спасибо. Воспитанием моим модель не занималась, блядую сутки напролет, пока батя шатался по своим заводам на северах и решал вопросы с местными пацанами. Мать в это время активно покоряла город на Неве, куда ее папка перевез из захолустного Вроцлава. Умерла она от передоза, когда мне было девять. Классика жанра. Папаша был настолько занят, что приехал в Питер только через неделю после похорон. А на следующий день, подписав какие-то бумаги, снова уехал. Бумаги те определили мою дальнейшую судьбу, и меня вместе с нянькой отправили в Париж. Там я учился в частной школе, потом поступил в Сорбонну и окончил сей университет с отличием. Правда, пару раз приходилось прилетать лично папке, чтобы меня не вышибли за траву сначала на третьем, а потом и на пятом курсе за кокаин. Батя все понимал, спасибо мамке, которая натренировала его в

делах наркоманских. В такие моменты, когда после всех моих походов мы оставались наедине, он не ругал меня, не бил, не читал нотаций, как это обычно делали родители провинившихся чад. Он смотрел на меня какое-то время то ли с отвращением, то ли пытаюсь выдавить из себя хоть что-то, а потом просто разворачивался и уходил. Молча. Оставляя после этих встреч лишь неприятные послевкусы надуманной родительской заботы. Оценки у меня были высокие, учиться было легко, но скучно. Лишь яркие лучики света в виде адских гулянок, на которые я спускал десятки тысяч папиных евро, спасали меня от депрессии. За время учебы я перечитал сотни томов по истории, философии, биологии, праву, еще сотни романов и психологических трудов всяких разных гениев двадцатого века. Чтение я любил почти так же сильно, как гулянки, и жизнь моя в те времена вальсировала между двумя этими страстными увлечениями.

Папка помер в две тысячи четырнадцатом, когда я учился на третьем курсе. Я слышал, что его убили, там, на севере. Слышал, что руку приложил его партнер. Много чего слышал, но что я мог сделать? Я-то и знал его не очень хорошо, ведь виделись мы всего лишь шесть или семь раз в жизни. Меня настигла легкая грусть, которую я смыл хорошим виски и занюхал не менее хорошим кокаином. Это был темный период в моей жизни. Длился он пару дней. Потом начались юридические проволочки – оформление наследства, головомки с офшорами и банковскими счетами, общение с де-

бильными бухгалтерами и исполнительными директорами, многочисленными партнерами и какими-то чиновниками, с которыми батя мой наводил мосты. Уж как ни отпирался я от участия в семейном бизнесе, а все же батя, пускай и мертвый, в этой битве победил. Пришлось вникнуть и разобраться. И уж думал я, что теперь жизнь моя станет мрачной и однообразной, ведь на плечи падает столь тяжелый груз ответственности, как на подмогу пришел мой сводный старший брат, которого я никогда прежде не видел. Даниил, тридцати пяти лет. Сын той советской хабалки от первого брака, которую папка бросил с первым капиталом. Появился как Черный Плащ из темноты и с корабля принялся претендовать на наследство. Я бы мог его без проблем угомонить, ведь он был военным. Военные только и думают о том, как бы квартиру себе прихватить и пенсию тысяч в тридцать обеспечить. Им больше и не нужно, так что я подумал откупиться от этого своего вновь образовавшегося брата по-быстрому, бросив ему эту кость. Однако он проявил рвение, настойчивость и оказался человеком достаточно порядочным, что и определило его собственную судьбу, а заодно и мою. Нас было двое в деле. Умный и порядочный Даниил занимался операционными вопросами, а я, Илларион, младшенький, только и успевал, что размахивать кредиткой, урвав себе пятьдесят один процент акций папкиного конгломерата. Порядочный, но прямолинейный Даниил не знал об офшорных счетах, а это был самый важный секрет погибшего бати, и

я о них, конечно, тоже не распространялся, потому что когда-то дал его юристу слово джентльмена. Джентльмены, как вы знаете, слов на ветер не бросают. Мы довольствовались дивидендами с основной деятельности – я дико кутил в Европе, а Даниил в течение года присматривал себе квартиру на Крестовском Острове.

В две тысячи семнадцатом я вернулся в Санкт-Петербург, порядком утомившись от Rue de Rivoli, Champs-Élysées и Montmartre. Вернулся взрослым человеком, другим человеком. Я и раньше, на протяжении своего студенчества, приезжал в Питер, но теперь я решил обосноваться там окончательно. Оставалось только определиться, чем я буду заниматься. Сорбонна дала мне диплом юриста, но право в Европе и право в России (если в России право вообще есть) уж слишком разные вселенные. Я даже подумал купить себе должность в какой-нибудь затхлой конторе, вроде ФСИН и ФССП (не пугайтесь аббревиатур, это не так важно). Поговаривали, что с моими деньгами можно взобраться наверх с таким ускорением, что я бы и не заметил, как на плечи мои упали погоны с какими-нибудь жирными звездами. Я прикинул, как можно изгаляться, сидя в таком кресле, и понял, что унять мои нравы не под силу ни одному из этих кафельных кабинетов. Попробовал писать – сидел на Невском летним вечерком, в кафешке с красными маркизами, попивал вино и писал какой-то бредовый рассказ про то, как инопланетяне напали на Париж. Нет, я был слишком своевольным,

слишком непостоянным, чтобы сидеть вот так сутками напролет, уткнувшись в экран, пока жизнь пробегает мимо. Я хотел огня. Хотел чего-то нового, что, впрочем, оказалось сложным хотением в мои двадцать три, когда я испробовал почти все. Уехать в Азию? Ненавижу людей, особенно азиатов, с их вечным кашлем и сморканием. Острова? Ненавижу песок, летающих пауков и отсутствие цивилизации. Штаты? Там оружие разрешено, глядишь, прихлопну какого-нибудь кутилу вроде меня. Нет, Россия для меня. Даже не так. Питер для меня. Моя отдушина, глоток свежего воздуха на севере разросшейся Татаро-Монгольской Империи. Последний оплот цивилизации, последний бастион, и единственный в этой стране, за которой я готов убивать. Здесь люди с деньгами могут делать все, что захотят, а я всегда скептически относился к законам и ограничениям. Здесь можно быть самим собой, если у тебя есть такая возможность. В Париже даже богачи скромничают, ибо там имеются такие понятия, как репутация, да и закон все-таки, как-никак, уравнивает между собой разные прослойки населения. Здесь же закон был на моей стороне, и любой вопрос упирался лишь в нужную сумму.

Так я попал к дядьке в «Атлас Медиа». Он принял меня на работу в должности регионального журналиста после трех роксов «Гленливета», а потом, конечно же, много раз жалел об этом поспешном решении. Дядька мой, Анджей Павлович, был родным братом мамки, покойной польской графички.

ни. Но этот, в отличие от нее, меня за что-то любил. Может быть, думал, что я буду готов однажды поделиться с ним своим состоянием? Я не вдавался в подробности его любви. Мужик он приятный, работающий (что я считаю больше минусом, нежели плюсом) и заботливый. А кому, как не мне, требовалась настоящая забота в ту пору? За год я освоился на работе в редакции. Точнее, так. За год редакция освоилась с тем, что теперь там работаю я. Я мог не ходить на работу неделями, поддаваясь соблазнам питерских наркопритонов и эскортов. Работники агентства меня не любили, ведь разве может кому-то нравиться делать чужую работу, пока ответственный за нее неделями отсутствует, а потом является в офис потрепанный, как ни в чем не бывало? Я рушил дисциплину, подрывал авторитет руководства и порочил честное имя «Атлас Медиа». Но было во мне одно преимущество, которое с лихвой перевешивало на весах здравого смысла все эти недостатки. Я был хорошим журналистом. За год я провел три журналистских расследования, каждое из которых получило престижную награду в Европе. Любой мой материал вызывал фурор на Западе и Востоке, и мне, как человеку, который разочаровался в жизни еще до совершеннолетия, этот фурор открывал двери туда, куда не способен был открыть ни один стимулятор. Я брал материалы без охоты, обращая внимание лишь на те, которые могли показаться мне интересными с точки зрения личных открытий. За год всего три статьи, но зато какие, и вот... Вот, наконец, четвертая!

Предыстория свалила меня наповал с первых слов дядюшки Анджея, раздающего материал на очередной планерке, куда мне посчастливилось попасть в промежутках между тусовками. Пропала девочка шести лет. Пропала без вести в деревне с двумя тысячами жителей под названием Большая Рука, что в Свердловской области. Край света, настоящий тупик человечества. Добровольцы прочесывают ближайшие леса, полиция проводит следственные действия, телевизор молчит. Но Европа и весь западный мир хотят видеть своего исполинского соседа настоящим. Таким, какой он есть и деревня... Эх, что тут скажешь, деревня – это и есть настоящая Россия, а точнее, Россия без макияжа. Нет, не Питер, где даже на хуй тебя посылают яббом, не Москва, где миллионы бездарностей каждый день делают вид, что работают и что-то производят. Вот здесь и есть та самая Великая и Непобедимая, и мой дядя показывал ее такой, какой она была на самом деле.

Пропавшую девочку звали Таня, она была из детского приюта «Лазурный Сад», из того самого, который считался в этих краях одной из трех достопримечательностей. В приют, согласно информации, которой меня снабдил дядя Анджей, она попала в годик после того, как мать так и не прошла реабилитацию от наркозависимости да и вышла из окна на одиннадцатом этаже, не попрощавшись. Отца никто не нашел, и малышку забрали власти Екатеринбурга, затем перенаправили в «Лазурный Сад», приют, где имелось свободное место. А теперь Таня исчезла, и мне, как голодному до

сенсаций журналюге, рвущемуся показать всю изнанку таинственной русской глубинки, событие сие показалось преотличным поводом. О, сколько перспектив открывала эта пропажа! Тут тебе и психиатрическая больница под боком, и приют, и две соседствующие вымирающие деревни – ах, какой чудный зачин! А вокруг – лесная глушь, концентрация промилле в крови у крестьян зашкаливает, и со скуки жители Большой Руки дают волю своим животным порывам. Да, четвертая премия была мне обеспечена.

Мотор «Волги» ревел, Иванушка-водитель замечтался, забыв переключить передачу. Мы мчались по пустынной улице Большой Руки, которая носила название «Гагарина». Меня укачивало на заднем сиденье, и я в трясущемся советском салоне с любопытством изучал эту богом забытую дырень. За машиной носились дворовые собаки и мальчишки с палками. На завалинках у дома сидели высохшие мужики, распивая самогон, а рыхлые бабы их занимались домостроем – развешивали белье, выхлопывали ковры, пололи огород. Разруха была в каждом доме, в каждой голове, позвольте перенаправить к классику. Я порядком заскучал от однообразия пейзажей, запахов и звуков, но мы приехали к месту назначения, и я взбодрился, предвкушая интереснейшее продолжение дня. На старом, еще досоветском здании я заметил покосившуюся выцветшую надпись «Милиция». Здание это скорее напоминало какой-то водочный ларек с поцарапанными решетками на окнах, облупившейся штукатуркой

на фасаде и мотоциклом с люлькой на стоянке у крыльца. Все четверо, что терлись у входа, взбодрились, когда на горизонте замаячила «Волга». Засуетились.

– Ну, бывай, – бросил я Ивану, выходя из автомобиля. – Приедешь через пару часов. Если что-то в повестке изменится, я позвоню.

– Хорошо, Илларион Федорович, – кивнул извозчик и был таков.

Уверенной аристократической походкой я направился к зданию из позапрошлой эпохи, приблизился к четверке замерших в предвкушении обывателей и принялся с любопытством их изучать. Сперва мой взгляд пал на лысеющего пятидесятилетнего капитана полиции, который был здесь, судя по всему, главным. Редкие его волосы уже в отдельных местах окрасились сединой, синяя форма была измятой, протертой и давно утратила соответствие размерам этого растолстевшего полицая. Лоб капитана был наморщен, на щеках проступала щетина, маленькие карие глазки изучали мою персону с типичным ментовским недоверием. Взгляд этот был странным, не похожим на те взоры, которые обычно принадлежат мелким божкам, обитающим в провинциях, где им дозволено куда больше, чем прочим. Капитан курил дешевые сигареты, сильно затягиваясь, и тяжело вздыхал каждый раз, когда его взор встречался с моим. Он выглядел как служивый старый пес, который давно устал от этой тяжелой службы, но деться никуда не мог. Рядом с ментом была да-

ма. Судя по виду, городская, ухоженная. В строгом костюме – блуза плюс юбка, да и туфли на небольшом каблуке в придачу. Явная гостья, залетная. Строгий вид, очки, волосы аккуратно убраны, на лице минимум косметики. Скорее всего, дама была наделена значительными полномочиями и прибыла сюда по какому-то важному поручению. Далее я встретился взглядом с пьяненьким пареньком лет девятнадцати, который тут же взор свой отвел, распознав во мне натурального стервятника, готового к атаке без лишних прелюдий. У паренька было испещренное прыщами лицо, нелепый пух под носом, тонкие поджатые губы и взъерошенные, давно не стриженные волосы. Носил он некогда черную, а ныне серую футболку, подкатанные джинсы, которые были больше на несколько размеров, и протертые кроссовки. Последним в этой великолепной четверке был сурового виду мужик, который весил, похоже, за сотню. С косматой бородой, с тяжелым взглядом и волосатой грудью, он был единственным из всех, кто смотрел на меня открыто, без каких-либо стеснений.

– Добрый день, – проговорил капитан, когда я приблизился к ним. Он отбросил в сторону окурков и протянул мне свою руку. – Вы, должно быть, Илларион?

– Вы в этом не уверены? – спросил я и нахмурился, глядя на его руку. Нехотя пожал.

– Нет, уверен, – он насупился, поглядывая искоса на то, как тщательно я вытираю свою ладонь платком после руко-

пожатия. – Капитан Соловьев Виктор Иванович. Начальник отделения полиции по Большой и Малой Руке, он же участковый, да и все прочие должности по линии МВД в радиусе деревни тоже мои. Это Валерия Георгиевна, уполномоченный по правам ребенка в Свердловской области, – капитан указал на строгую женщину. Та ограничилась сдержанным кивком. – Мой помощник Дмитрий, – прыщавый юнец дернулся сначала, чтобы протянуть руку, но тут же отпрянул, видимо, поменяв планы, – и наш местный кузнец Всеволод. Он возглавляет добровольческие отряды по поискам пропавшей девочки.

– Любопытно, – я еще раз заострил взгляд на непрошибаемом кузнеце... Надо же, в двадцать первом веке, когда частные космические компании отправляют туристов на орбиту, в Большой Руке все еще обитает кузнец. – Илларион Федорович Лихачевский, граф и журналист из «Атлас Медиа», – представился я.

– Илларион Федорович прибыл к нам с целью осветить ситуацию с пропажей девочки в средствах массовой информации, а также оказать следствию содействие с целью скорейшего разрешения данной ситуации, – добавил капитан Соловьев.

– И какую помощь журналист может принести нам? – буркнул кузнец Всеволод. Бас его ударил по моим перепонкам, и я сцепился взглядом с этим то ли Ильей Муромцем, то ли все-таки Алешей Поповичем.

– Значит, так, – я откашлялся. – Помогать вам я не собираюсь. Не было еще такого случая, чтобы кость помогала собаке. Я найду девочку благодаря своим навыкам и возможностям, и вы, если и правда заинтересованы в том, чтобы она нашлась, будете мне всячески содействовать, а лучше – не мешать. Так что я еще подумаю, принимать мне вашу помощь или же действовать самому.

Дамочка из центра усмехнулась. Помощник Дмитрий испуганно смотрел то на своего начальника, то на разъяренного кузнеца, настроение которого еще до нашей встречи было опущено ниже ватерлинии. Что ж, я привык, что после разговоров со мной ватерлиния сдвигается на несколько пунктов вниз. Капитан Соловьев сразу принял правила игры, ибо один звонок из центра еще до моего прибытия в Большую Руку способен пробудить в людях системы чувство ответственности.

– Что вам нужно? – спросил полицейский после мхатовской паузы.

– Введите меня в курс дела, обрисуйте детали и охладите виски, – я достал из портфеля начатую бутылку с этикеткой, на которой красовалась цифра «21». Ставлю на кон все свое состояние, что ни один из четверых и знать не знал, что это за магическая вода. Юный Дмитрий облизнулся, кузнец сплюнул себе под ноги, дамочка из Екатеринбурга в очередной раз фыркнула, а ответ снова держал Соловьев.

– У нас поиски начинаются, – развел руками участко-

вый. – Вся деревня прочесывает периметры с утра до ночи. Мы как раз координируем действия.

– Без вас работа не остановится, капитан, – пожал я плечами. – Пара часов, проведенных вместе, будет куда полезнее для следствия, чем метания по лесам и полям, это я знаю наверняка. К тому же вас предупреждали о моем прибытии, не так ли?

Капитан не ответил. Он дал второпях какие-то указания своему помощнику и отправил всю троицу прочь. Сам же, указав рукой на вход, проследовал за мной в участок. Диктофон мой уже давно был включен, и я прошел под своды здания, куда главная медведевская реформа доберется, судя по всему, еще не скоро. Слева была камера для содержания нарушителей спокойствия, но она пустовала, напоминая о себе лишь запахом мочи и блевотины. Деревянный пол скрипел, свет моргал, по стенам ползали кривые трещины, испещряющие штукатурку многолетней давности. Типичный вертеп со всеми атрибутами «имперского величия». Здесь работали пять человек – сам начальник, сторож Игнат на входе, секретарь, техник и помощник капитана Дима.

Кабинет начальника представлял собой скромный вонючий угол с окном без стекла, с огромным советским сейфом, тремя столами, которые были завалены папками с бумагами, с полными окурками пепельницами и «царским» портретом на стене. Соловьев убрал кипу прошитых бумаг со стула и указал мне присаживаться. Сам, тяжело вздыхая, уселся на

табуретку у своего рабочего стола. Открыл небольшой холодильник в углу, достал брикет льда и посмотрел на виски, который я все это время держал в руках.

– Вода проточная? – я покосился на лед, не спеша расставаться с бутылкой.

– Обижаете. Почистице вашей городской будет, – буркнул капитан. – И освященная вдобавок, так что не подумайте.

Доводы показались мне убедительными, виски переключал на стол, Соловьев ловким движением откупорил бутылку, плеснул в граненые стаканы граммов по сто и насыпал льда. Осушил одним махом свою порцию и тут же закурил, откидываясь на спинке табурета. Я же отпил немного и поставил стакан на стол, доставая из портфеля необходимую атрибутику – свой планшет, диктофон, заметки и карту местности.

– Итак, начнем с начала, – сказал я, выудив из внутреннего кармана своего пиджака портсигар. Капитан мне подкурил, и толстенная кубинская сигара наполнила это богомерзкое место своими священными островными благовониями. – Расскажите, что вам известно о девочке.

– Таня Шелепова, шести лет, – выдыхая из ноздрей дым, ответил Соловьев. Говорил он тихо, размеренно, как будто мы обсуждали что-то обыденное. – В Большую Руку привезли пять лет назад из Екатеринбурга – матери нет, выпрыгнула из окна. Наркоманкой была, с головой, говорят, не дружила. Об отце ничего не известно. Пристроили ее в наш «Лазурный Сад» по квоте. Все нормально было, девочка спокой-

ная, не хулиганила, развитая, бойкая, жизнерадостная, любопытная. Последний раз ее видела подруга семнадцатого июля, то есть девять дней назад, – тоже воспитанница приюта. С ее слов, они играли во дворе, потом прозвенел звонок на обед, и дети рванули в столовую. Таня сказала, что сейчас прибежит, а после... После этого ее никто больше не видел.

– Опрашивали работников приюта? – делая пометки в своем планшете, задал вопрос я.

– Опрашивал лично, – кивнул Соловьев. – Там всего их четырнадцать человек, включая директора. Никто ничего не видел. Никаких следов насилия нет, да и вообще следов нет. Странно как-то. И собаки были, и эксперты из Екатеринбурга – ничего не нашли.

– Записи с камер видеонаблюдения?

– Издеваетесь? Здесь нет ни одной камеры на всю округу.

– Родственники, близкие?

– Валерия Георгиевна, та, что из центра, пыталась отыскать кого-то, но, похоже, девочка совсем сирота. Не знаю, ей и без того досталось от жизни, да тут еще и такое...

– Что насчет судимых и психически неуравновешенных? Всех опросили?

– Послушайте, – Виктор Иванович затушил сигарету и покачал головой, явно недовольный уставом, с которым лезли в его монастырь, – Илларион Федорович, у нас нет таких возможностей, чтобы всех и каждого опрашивать. Здесь на всю деревню я да мой помощник и тот... Неофициальный, так

сказать. Учился в академии МВД по квоте, выперли с треском за пьянки, так и вернулся в нашу провинцию с неоконченным высшим. Куда ему еще податься? Вот и работает тут на птичьих правах, помогает мне. Основы знает – и хорошо. Парень толковый, выпить любит, но кто не любит, скажите? Я таких не встречал еще. Вот как себе представляете все эти допросы? Это же сколько времени надо? Тут в бумагах зарываешься по горло, отписываться только и успеваешь. Из центра нагибают да со всех сторон нагибают – отстреливайся, не хочу.

– Из какого же бюджета вы ему труд-то оплачиваете, помощнику вашему?

– А из своего личного и плачу, – развел руками капитан. – Мы, менты, сами знаете, народ проворный – выживать умеем, но не потому что так сами решили, а потому что приходится. Насобираю за месяц тыщ двенадцать – и ему подкину. Да если бы не Димка, я бы тут вообще копыта отбросил давно – он большой объем работы тянет. Так что базовые процессуальные действия мы провели, но опрашивать всех подряд не можем. Девочка всего девять дней назад пропала, умершей не признана, факта убийства нет. Пока только без вести пропавшая. Мы даже дело не возбудили еще.

Он потянулся за бутылкой, но я отсек его хамские попытки испепеляющим гамлетовским взглядом. Соловьев облизнулся и отдернул руку. Насупился.

– Мне нужен список судимых жителей Большой Руки,

список психически не здоровых, тех, кто сейчас на свободе и проживает в деревне, – делая пометки, процедил я. – Также мне нужна история преступлений в Большой Руке за последние двадцать лет. Интересуют убийства, изнасилования, жестокое обращение с детьми.

– Поделюсь, – кивнул капитан и достал вторую сигарету. – Хотя эти материалы простым прохожим не раздают, сами знаете, – он покосился на меня исподлобья.

– Этот виски также не раздают простым прохожим, – подвигая Соловьеву бутылку, ответил я. – На стоимость одной бутылки ваш помощник может жить полгода.

Капитан плеснул себе в стакан немного и опрокинул его снова одним махом. Что за мазохист? Я поморщился от столь топорного обращения с этим волшебным напитком.

– Виски как виски, – пожал он плечами. – Скину информацию вам на почту, но попрошу...

– Все, что пойдет в печать, будет согласовано с тобой, капитан, не доводи себя до инсульта лишними мыслями, – отрезал я, переходя на «ты». – Теперь рисуем возможные варианты, – я разложил на столе карту и взял в руки черный фломастер. – Большая Рука – здесь, – сделал пометку. – Где приют?

– Вот тут, на севере, – указал капитан, и я снова пометил местность. – Пара километров по главной. Здесь – психбольница, которой вы так заинтересовались.

– На северо-западе, стало быть, – пометил я. – А это что? –

я указал на довольно большое строение прямо на дороге, ведущей на восток от деревни в сторону Малой Руки.

– Монастырь наш знаменитый, – пожал плечами начальник. – Анабаптисты так называемые.

Я тут же полез в интернет в поисках информации. Ограничившись поверхностным изучением, я вернулся к нашему разговору:

– Что западные протестанты забыли в русской глуши?

– Извечный вопрос, который задают заблудшие в наши края редкие туристы. Они вроде как и не западные вовсе, да и не протестанты в классическом понимании.

– Так просвети и меня, раз уж рука набита.

– Я историю этого монастыря знаю в общих чертах, многое из этого, скорее всего, выдумки, да и не мастак я басни травить, – Соловьев откашлялся. – Короче, приехал в Екатеринбург в начале двадцатого века какой-то иностранец, датчанин или голландец, не суть. Говорит, монастырь буду строить, да еще и какой-то не христианский. Генерал-губернатору местному это не по нраву пришлось, и его турнули куда подальше из Екатеринбурга. Но голландец оказался настойчив и, похоже, предприимчив. Бродил по деревням, подыскивая себе местечко под строительство, говорят, одержим был идеей. Ходили слухи, что при нем была целая сумка с драгоценными камнями и какой-то ценной утварью, но это наверняка не известно. В общем, пришлось ему по душе наши деревушки – Большая Рука и Малая, и прямо между ни-

ми он начал свой монастырь выстраивать. Тихо, тихо, на-зло церкви и на радость крестьянам, у которых хоть дело какое-то появилось. Строил долго, но основательно, в деньгах нужды не испытывал – богатым был. Полтысячи человек задействовал – все, кто мог пригодиться, помогали. Строили на славу, говорят, доброту. Закончил к тысяча девять-сот сорок второму, стало быть, двадцать восемь лет строил. Уже и власть сменилась, и церковь рухнула, и Великая Оте-чественная успела начаться. Но место тут тихое, скрытое от глаз и ЧК, и партии, так что на него никто внимания не об-ращал. Так и закончил он стройку свою, а работяги потом, те, кто сами не померли, там и остались служить и работать. Вот и стоит монастырь тот бельмом и по сей день.

– Он действующий, этот монастырь?

– Еще как действующий! Тут две деревни всем скопом на него работают. Да если бы не монастырь этот, давно все разъ-ехали бы... Или с голодухи подошли бы. Там человек пять-сот пашет у них – в основном выходцы из детдома и псих-больницы. Ну, какая бы их судьба ждала? Из психушки вый-дешь со справкой – кто тебя возьмет на работу? Или детдо-мовцы – ни образования, ни семьи. Восемнадцать стукнуло, бумаги оформили – и вперед, на вольные хлеба. А тут при деле все – и психи, и сироты. Денег почти не платят, конеч-но, зато кров дают, кормят, учат. В общем, даже РПЦ ничего против не имеет, ведь они и церквушку местную содержать помогают.

– Чем же они там занимаются, в этом монастыре анабаптистском?

– Да всем подряд! И самогон гонят, и пиво, вкусное, между прочим. И лесом занимаются, мастерят мебель, живность разводят, сыры варят, по камню работают. Да это целая деревня, мы его еще Средней Рукой называем в шутку.

– Вы допрашивали главу монастыря? Могла девочка попасть к ним?

Соловьев снова опустил голову, поморщил лоб.

– Как бы это сказать... Глава их... Томас Янссен, внук того иностранца, который прибыл еще при царе, основателя, он... В общем, отец Янссен – человек очень авторитетный и влиятельный. К нему просто так не пробиться, даже полиции. Он все время занят и часто отсутствует. Ну, вы только представьте, сколько у него работы. Да к нему сам глава области на поклон ходит. Отец Томас всегда помогает. Он тут настоящий герой среди местных. Как-то прокуратура однажды приезжала по какому-то делу, так он потом их так засудил, что теперь органы дорогу туда надолго забыли.

– Ясно. А что Малая Рука?

– Малая-то? А что Малая? Живут себе да живут. Тут километров тридцать до них по дороге на восток. А монастырь посередине, равноудален что от нас, что от них.

Я несколько раз обвел имя настоятеля монастыря и поставил напротив восклицательный знак.

– Куда могла Таня сбежать? – спросил я. – Если это не

похищение, куда ей податься?

– Да куда угодно! Детдомовцы все трудные. Все с характером. Эксперты из Екатеринбурга приезжали – проверили все, трассеологическую экспертизу сделали да обратно свалили. А мы тут поиски ведем всей деревней. Лес прочесываем, болота, местность. Пока глухо, и с каждым днем, если честно, надежда все сильнее угасает.

Соловьев был охоч до трепа, любил сплетни, любил выпить, но дело свое знал. Познакомившись с ним поближе, могу теперь дать его детальную характеристику. Капитан был женат, имел двоих дочерей. Одну удочерил – я слышал, что это популярная практика среди жителей обеих деревень. В приюте числилось более сотни детей, так что крестьяне с большим удовольствием брали к себе в семьи дополнительные рабочие руки. Вынашивать не надо, со здоровьем проблем нет. Пахать на поле, доить коров да курей кормить – много ума не требуется. Но в семье всяко лучше, чем в госучреждении, даже если бьют или пьют. Вот и довольны обе стороны. Бизнес, так сказать, ничего личного. Среди местных капитан пользовался почетом. Хулиганов бил рублем (себе в карман, конечно, или же на содержание Димки, на канцтовары, на технику в участок), порядочным людям помогал, чем мог. Основная работа полиции здесь состояла в том, чтобы бороться с последствиями пьянки. Кражи, драки – обычное дело. Всех дебоширов и алкоголиков – по пальцам пересчитать. Все на виду, на карандаше. Более серьез-

ные преступления – редкость и всегда событие вселенского масштаба. Чтобы назвать Соловьева умным, нужно самому быть дебилом, но свою пользу в этом капитане я уже заметил и устно записал его в статус своих ближайших сподвижников.

Мы засиделись на несколько часов, аккуратно пока не закончился виски. Постепенно картина вырисовывалась, затягивая меня в жерло своего колоритного деревенского сюжета. После вводной беседы мы отправились к месту прочесывания территории, где прилегающий с севера к деревне лес бороздили сотни добровольцев под чутким надзором местного кузнеца. Процесс был организован слабо – царил хаос, и даже если бы девочка и находилась где-то поблизости (в чем я лично сильно сомневался), с такими помощниками найти ее не было никаких шансов. Я составил для себя портреты основных действующих лиц первого дня. Кузнец Всеволод считал себя здесь неким хозяином – единственный в округе непьющий и сверхработящий. Два этих качества, по его мнению, существенно возвышали его над всеми прочими жителями Большой Руки. Чего уж там говорить о его негодовании по поводу моего внезапного появления – такие неприятные личности вроде меня способны поколебать веру человека деревенского в надуманные авторитеты. Всеволод был суров, хмур, все время старался поучать и отдавал самые нелепые указания попавшим в его распоряжение дружинникам. Он часто косился на меня исподлобья, вроде бы

порываясь что-то сказать, но на действие так и не решался. Я пометил, что этого авторитета местного разлива нужно будет тщательно проверить. Вторым персонажем, заинтересовавшим меня на поисках, была Валерия Георгиевна, детский омбудсмен из Екатеринбурга. Серьезная дама, также не лишенная властных амбиций. Сначала я было в ней всерьез заинтересовался, мне показалось, что где-то в глубине этой стойкой защитницы всего детского тлеет готовое разгореться творческое пламя. Но я ошибался. Валерия Георгиевна была типичной чиновницей, присланной из центра на место ЧП, чтобы блеснуть своим красноречием, отметить на самых знаковых процессуальных действиях, дать пару интервью и отбыть обратно, чтобы отчитаться о проделанной работе перед губернатором. Ей вообще было фиолетово, найдут Таню или нет, и посему интерес мой к этой сероватой протокольной персоне, окутанной золотой фольгой для блеска на солнце, стремительно угас.

Люди в деревне, как я и ожидал, были набожные. Крестились каждый раз, когда представлялась возможность, бормотали под нос молитвы, уповали на внешние силы. Мой приезд навел в деревне шороху. Быстро поползли слухи, разрастались сплетни, выдумывались истории. В этой атмосфере я чувствовал себя прекрасно. Разве может быть что-то лучше, чем находиться среди тех, кто слабее и глупее тебя? Разве не удовольствие ли это – чувствовать свое превосходство? Я знал, что они меня ненавидят, как обычно ненавидят чу-

жаков, нарушающих своим появлением привычный ход событий. Но в то же время их раздирало любопытство, а от невежественных выпадов в мою сторону их отделял обычный страх. Да, я видел этот страх в их глазах – они боялись всего нового, боялись всего мистического (для них я был самым настоящим мистиком), боялись денег и власти.

Итог дня получился предсказуемым. Аристократ был пьян. Вернувшись из леса в участок, мы с капитаном распили вторую бутылку виски, которую я припас на случай НЗ. Разошлись мы ближе к полуночи, извозчик Иванушка, прождавший меня на шесть часов дольше запланированного, смиренно вез меня к месту квартирования. Алкоголь провоцировал на мысли, которые я, пребывая в чистом рассудке, обыкновенно откладывал в долгий ящик. Вот о чем я думал. Мой отец мечтал, чтобы сын его был аристократом. Он хотел стать первым в роду, кто положит начало ветке настоящих интеллигентов, которые в дальнейшем займут свое почетное место в анналах истории. Взял в жены польскую дворянку, отгородил сына от суровых перипетий быта русских промышленников, а затем и вовсе отдал на учебу за границу. Его мечта отчасти сбылась, хоть он и не застал ее воплощение в полной мере. Сын его (младший, конечно) вырос истинным аристократом со свойственными данной прослойке общества преимуществами и недостатками. Аристократы двадцать первого века имели значительные различия с теми, которых мы видим на страницах романов Дюма и Толстого.

Современные аристократы могут позволить себе куда больше, чем те бедолаги, зажатые в строгие рамки условностей. Вот взять Гарика, моего друга. Он – истинный аристократ современности (именно это и сделало нас друзьями). Начитанный, любит Бергмана и Кубрика, не утратил тягу к Баху и Моцарту, разбавляет Тициана и Босха Ван Гогом и Гогеном. А еще он помешан на книгах по развитию личности, и всякая наша беседа рано или поздно оканчивается жарким спором о том, какой путь выбрать в этой жизни и как потом по этому пути двигаться. Занятные беседы, скажу честно. И беседы эти – удел аристократов, ведь простому люду совершенно некогда думать о подобных вещах. Думы их заняты тем, как прокормить свою семью, как насобирать на лекарства, как выходить больную мать. Мы же, аристократы двадцать первого века, можем делать все, что угодно, лишь бы денег хватало. И нет такого позора, которого так боялись те, настоящие аристократы, способного привести к полному опустошению, ибо позор в наше время – дело, конечно, неприятное, но не основополагающее. По пути домой на заднем сидении «Волги» я думал о том, что мечта моего папки сбылась, но был бы он счастлив теперь? Был бы он рад видеть меня, встретиться, обсудить что-то из Канта или Кандинского? Вряд ли. А все потому что я и правда был интеллигентом, а вот он совершенно не мог претендовать на подобный статус. Да и хотел бы он вообще поговорить со мной? Скучал ли? Конечно, нет. Сын-интеллигент – это лишь очередной

статус, которым можно козырять перед такими же, как и он сам, быдловатыми друзьями.

Крепостные Агап и Мария встретили меня в ночи с поклонами и проводили в опочивальню. На столе были блюда из моего вечернего меню и бутылка вина. Белая скатерть, четыре свечи и надоедливый сверчок в огороде. Облачившись в свой шелковый изумрудный халат, я приступил к ужину. Отпустил Агапа и Марию, принявшись вкушать, а заодно и разбирать присланный услужливым капитаном материал. Мое опьянение никак не влияло на мыслительные способности. В тот вечер я оценивал его силу на твердую четверку, что не могло помешать сосредоточенной работе. Шестерка тянет меня к продажным девкам. Семерка требует кокаина. Восьмерка отключает логику действий и пробуждает дикаря. Девятка взывает к извращениям. Десятка заставляет всю округу еще неделю говорить о моих похождениях.

Итак, что мы имели по запросу на данный момент? За последние двадцать лет, то есть с тысяча девятьсот девяносто восьмого года, в Большой Руке было совершено шесть убийств и девятнадцать изнасилований (которые попали в полицейские сводки). Пропаж не было, если не считать пьяного коровника, который обнаружился через неделю живехонький, но потрепанный. Что касается изнасилований, то здесь картина более или менее типичная для деревни – взял бабу против воли, написала заявление, посидел, отрезвел, женился. Вот тебе и новая ячейка общества. Классика. Ни-

каких педофилов, извращенцев, гомосексуалистов и прочих представителей, избалованных возможностями мегаполисов, на горизонте не мелькало. Пройдемся по убийствам – две «бытовухи». Стандартная картина – собрались, выпили, потом еще, завязался спор, нож, кровь, труп. Еще два трупа списываем на живописный деревенский быт – жена изменила с соседом. Ревнивый импотент забил молотком сначала женушку, а потом и любовника. Этот случай мне был не интересен, как и прочие вышеупомянутые. Последние два вызвали куда больший интерес. Некий Барановский сорока пяти лет. В две тысячи четвертом зарезал жену на пятом месяце беременности. Мотивов нет, ничего внятного на допросах не сказал. Среди знакомых считался человеком порядочным и тихим. Обычный работяга. После экспертизы была диагностирована шизофрения, до этого случая на учете в психдиспансере не стоял, никогда не чудил. Сидит в местной психушке в особом отделении. Второй случай – убийство мальчишки десяти лет в две тысячи десятом. Огнестрельное ранение в голову, приведшее к смерти. Убийце удалось скрыться, но следствие установило подозреваемого. Им оказался брат матери убитого, который приехал навестить сестру из Екатеринбурга. Служивый, бывший афганец. До сих пор на свободе, числится в розыске. В этом направлении нужно будет поработать. Я пометил интересные мне сюжеты и переключился на психбольницу. Выяснил, что всего в отделении содержалось тридцать три больных. Из них шестеро коро-

тали свои красочные дни в особом отделении, то есть считались опасными для общества и были под круглосуточной охраной. Помимо заинтересовавшего меня Барановского, я обратил внимание еще на одного пациента. Им был двадцатичетырехлетний Фома Городин. Попал в психушку в две тысячи тринадцатом, когда мать обнаружила у него странные склонности, проявляющиеся в издевательствах над животными. Он подвешивал котов за шею, втыкал иголки в вымя коров, отрезал хвосты щенкам. В характеристике, помимо внушительного списка издевательства, была пометка мелким шрифтом – «имеет выдающиеся умственные способности». Это меня и привлекло. Настроение порядком улучшилось, ведь фронт работ более или менее обрисовывался, обрастая подробностями и могущими быть полезными для дела деталями.

Я провел за работой почти час, сортируя и вычленяя из потока бурной деревенской жизнедеятельности стоящие сюжеты. Когда на часах пробило два ночи, я свернул свои инструменты и отправился ко сну. Капитан Соловьев подсобил барину, и теперь, чтобы завершить этот трудный день, мне нужно было решить две оставшиеся задачи, о которых я думал уже в кровати. Первое. Расписать график на день завтрашний. Второе. Допить свое французское вино.

Запись 3

27 июля 2018 года

Утром я медитировал дольше обычного. Под мычание ко-ров и лай собак наладить контакт с потоком энергии ока-залось весьма проблематично, хотя я давно привык делать это в самых что ни на есть антибуддистских условиях, так что, если вдуматься, здесь, на просторном балконе, откуда открывался вид на деревню, лежавшую у подножия горы, ме-дитировать было куда приятнее, нежели в питерской кварти-ре. Я представил, как тут стоял некогда представитель древ-него русского дворянства, оглядывал Большую Руку с чаш-кой черного кофе и наслаждался мирской суетой внизу. И ведь все повторялось вновь. И снова дворяне на Руси, и сно-ва крепостные, и еще много-много «снова». Неподалеку чер-ным обелиском сверкала в лучах летнего солнца психиатри-ческая больница, чуть далее на восток – детский дом «Лазур-ный Сад», прямо у подножия ютились убогие полуразрушен-ные домики с двориками, заполненными скотом и ненужным хламом. Так и вся Россия – скот и хлам...

Завтрак был подан к одиннадцати и вызвал у меня впол-не положительную реакцию, если не считать недоваренных яиц. Я сделал замечание бабке Марии, на что она пообещала впредь не допускать подобных гастрономических промахов. В остальном все было вполне питательно и даже куда свежее, чем я привык в Петербурге. День предстоял насыщенный, и я взял с собой две бутылки виски. На этот раз для гардероба был подобран синий итальянский костюм в полоску и розо-

вый атласный галстук. У входа я обнаружил свои крокодиловые туфли, которые вчера встретились лицом к лицу с деревенскими неожиданностями. На мой вопрос, что это такое, бабка ответила так: «Милок, помыла, отчистила. Теперь как новые. Носить – не переносить». Что ж, не сказать, что я был несказанно рад подобному возвращению, но, как следует их осмотрев и даже понюхав, решил, что еще не все кончено. Очередное подтверждение, что даже у безнадежных случаев бывают шансы.

Иван заехал за мной в полдень. «Волга» блестела намытая, без единой пылинки, за что я похвалил его дополнительной тысячей рублей. Парень явно обрадовался и, казалось, всю дорогу вообще не дышал, боясь нарушить проскользнувшую между нами (как он себе придумал) гармонию. Единственное, что сказал, так это о своей предстоящей поездке в Екатеринбург для ремонта худых зубов. Настроение мое колебалось, как дряхлая ладья на волнах Эгейского моря. С одной стороны, я был доволен тем, как складываются дела. Вся эта история и разворачивающиеся перспективы будоражили мои чресла. Я чувствовал сенсацию, прорыв, шедевр. Витало в воздухе что-то особенное, что-то неописуемо важное, громкое, и в самом эпицентре этого находился я. Но отсутствие комфорта, а также всеобщий тупизм вводили меня в кратковременные приступы депрессии, ибо я никак не мог свыкнуться, что весь этот большой коровник мне приходится делить с людьми прямоходящими. Нет, я и в Европах

сталкивался с дикостью, хамством, быдлом, невежеством и прочими характерными чертами забытых богом и властью людей. Но здесь они как будто умножались надвое, и уже на второй день я и вовсе перестал дивиться происходящему вокруг. Меня раздражала мелочность. Правда, она меня бесила куда больше, чем чванство, невежество и дикость. Мелочность народа, который трясется за что-то материальное, пускай это материальное стоит сущие копейки. Поясню, о чем я говорю. Мы проезжали мимо магазина «Пятерочка» на улице Ленина, и я увидел очередь, выстроившуюся возле здания, но не возле входа, а где-то сбоку, у проулка. Я заинтересовался у Ивана, что это такое, и он поведал мне, что три раза в неделю, в установленные дни и часы, производится списание продуктов с истекшим сроком хранения. Десятки килограммов просроченных молочных и хлебобулочных изделий, колбасных и мясных и даже кое-какая бытовая химия попадали в мусорные баки с обратной части здания. Так вот, народ, приняв подобную процедуру за очередную акцию, теперь приходил за несколько часов до установленного времени, чтобы урвать себе что-то из испортившихся продуктов к столу. Первое время, по словам Ивана, действие это напоминало гладиаторские бои не на жизнь, а на смерть. Люди дрались, катались по земле, крыли друг друга матом, вырывали волосы. В подобных ситуациях побеждали, конечно, сильнейшие – куда там старикам да бабам. Но после нескольких подобных баталий народ самоорганизовался, был назначен

старший сего мероприятия, который отвечал за количество продуктов в одни руки и за порядок очередности, так что процесс приобрел вполне организованный характер.

И я ехал и думал: что же это такое? Насколько нужно не уважать себя, сколько нужно иметь свободного времени и не иметь хотя бы критического минимума мозгов, чтобы довести себя до такого? Среди стоящих в этих очередях были не бездомные, не бомжи. Там были вполне себе нормальные, но мелочные люди. И дело здесь вовсе не в бедности. Дело именно в людях. Я много раз пытался объяснить эту мелочность – сначала голодные крестьянские годы при Империи, потом еще более худая и унижительная жизнь на протяжении семидесяти лет при Советах, а уж после – и при нынешнем режиме. Ну, разве был в мире более беспомощный народ, который сначала приучили действовать по шаблонам, отняли собственное мнение, ограничили сотней запретов, а потом пустили в свободное плавание? Черт побери, опять я ударился в демагогию. Кто бы ты ни был, читатель, надеюсь, ты не серчаешь на меня за подобные отступления, ибо подобная тема является для меня объектом неподдельного интереса.

Итак, мы выехали на Ленина – центральную улицу в Большой Руке, пронизывающую деревню с юга на север. Здесь была важная достопримечательность – асфальтированная дорога. Единственная в деревне. Она была разбита, без бордюров, без пешеходных переходов и знаков, но зато ровная и чистая. Здесь были «Пятерочка», «Сбербанк», отделение

почты, отделение «Единой России». В южной части у площади Суворова расположилось здание администрации, там же были и несколько приличных домов – с кондиционерами и пластиковыми окнами. Тут проживали глава администрации, владелец зданий, которые арендовали «Пятерочка» и «Сбербанк» и два более или менее сносных фермера, владеющие полями и садами на востоке от Большой Руки. Мы проехали по Ленина до конца, и Иван свернул на так называемую объездную улицу, которая вела на восток, в сторону психиатрической лечебницы. Она находилась в шести километрах от Большой Руки, поглощаемая с юго-востока лесной чащей.

Мы мчались по бездорожью, вздымая в воздух клубы пыли. Мимо плыли полузаброшенные поля, недопаханные, с горами строительного мусора, с порванными теплицами и бесколесыми тракторами. У застойных водоемов толпились старые рыбаки, вдоль дороги бегали почему-то босые бесхозные дети вперемешку с собаками столь же дикими, как и они сами. Кто-то нес ведра с водой в сторону деревни, кто-то выкапывал из земли медный кабель. А потом, через несколько километров, показалось и здание психбольницы. Мрачное – это лишь самое поверхностное и бездарное описание, каким только можно было наградить сие прискорбное место. Психбольница больше напоминала Гестапо, нежели медицинское учреждение, и мне подумалось в тот момент, что всякий совершенно здоровый в психическом плане человек обязатель-

но рано или поздно станет в этих стенах настоящим дураком.

Комплекс был построен в начале сороковых годов, а в разгар буйности советского конструктивизма его существенно модернизировали и преобразили. Не возьму в толк, на кой случай в подобной глуши образовалось столь странное кубическое сооружение, но подумалось мне, что за этим черным фасадом скрывается нечто большее, чем штатное медицинское учреждение. Высоченный бетонный забор опоясывал территорию лечебницы будто стена, защищающая от вторжения средневековый город. За забором пряталась территория площадью в два с половиной гектара с высокими соснами, асфальтированными дорожками, десятком вспомогательных зданий, в которых располагались спортзалы, диспансеры, административные и технические учреждения. Стены этих зданий украшала пролетарская мозаика с лозунгами советского периода, всюду были питьевые фонтанчики и пух от тополей.

Наша «Волга» миновала контрольно-пропускной пункт, где в засраной будке бдил полумертвый охранник с плешивой дворнягой у ног, и устремилась в сторону основного корпуса – черной башни Саурана. Мы проехали через сквер, обогнули заброшенную площадку для волейбола, опустевшие деревянные беседки, где психи играли в шахматы, и припарковались у главного входа. На площадке красовалась блестящая «БМВ» седьмой серии, и от подобной картины в этих местах я слегка опешил. Но тут же мне все стало яс-

но. Просветлел я, увидев доблестную мадам, носящую долж-  
ность заведующей клиники и звание доктора медицинских  
наук. Ядвига Павловна лет сорока с хвостиком встречала  
меня лично на пороге своего Гулага. Строгий черный ко-  
стюм, на первый взгляд, совсем скромного пошива, но от ме-  
ня-то не утаить его происхождения, этого элитного костю-  
ма от «Прада», за каким нужно обязательно лично слетать в  
Милан на примерку. Зоркий мой глаз быстро усмотрел едва  
заметный красный лейбл в районе ворота. Дама была худо-  
щавой, весьма подтянутой особой со строгим лицом и власт-  
ными манерами. Мечта многих любителей МИЛФ. Иван от-  
крыл мне двери, и я грациозным котом направился прямо-  
ком навстречу к этой интересной персоне. Приблизился. Она  
стояла на лестнице, возвышаясь надо мной, да и над всем  
остальным миром, глядя на меня свысока своим холодным  
скандинавским взглядом, и мне выпала возможность изу-  
чить заведующую подробнее. Итак. Ухоженные блестящие  
руки вольготно сложены перед собой. Поза уверенная, гово-  
рящая о том, что Ядвига Павловна чувствует себя хозяйкой  
на своей территории, да и, судя по всему, хозяйкой она се-  
бя чувствует в любом другом месте. Приличный маникюр,  
морщин на руках и лице почти не видно. Туфли ее я бы оце-  
нил не меньше, чем в тысячу евро, золотой браслет, кольцо с  
бриллиантом, пальцы свободны от колец. Пахло от властной  
дамы свободой и дорогим французским парфюмом. Стоило  
признать, что у нас было много общего, а именно любовь к

изысканной жизни и весьма не дурной вкус. Это был превосходный экземпляр, интересный и вызывающий целый спектр самых разнообразных чувств, и теперь нам предстояло определить статус друг друга. Взвесив все аргументы, я пошел в атаку с порога.

– Илларион Федорович... – бросил я, приближаясь, но заведующая не дала мне договорить.

– Я знаю, кто вы такой, – говорила она с бронзовой надменностью в голосе. Я остановился, не дойдя до цели нескольких шагов. – А вы знаете, кто я. Давайте обойдемся без прелюдий.

– Что ж, вероятно, я ошибся, увидев в вашей персоне близкие мне черты, столкнуться с которыми в подобном месте весьма не просто, – ответил я. – Не могу мешать вам равняться с крестьянами и поэтому сразу выдвигаю свои требования. Раз уж вы осведомлены о моем прибытии, смею предположить, что знаете вы и о цели этого визита. Итак, вы, как заведующая психушкой, будете оказывать мне полное содействие по всем интересующим меня вопросам, – выпалил я. – Для начала мне нужен доступ к интересующим меня лицам – пациентам и работникам лечебницы.

Ядвига Павловна улыbnулась, слегка приподняв левую часть губы, лишь едва заметно, только чтобы я внял ее непоколебимости. Экономила силы перед боем. Настоящая дьяволица. Опасный противник, и меня это дико волновало, ведь настоящих хищников я уважал. Уж никак я не думал

встретить в такой глуши достойного оппонента.

– Вы сейчас развернетесь, Илларион Федорович, сядете в свою старую развалюху и отправитесь в деревню тешить местных придурков, – холодно и совершенно серьезно ответила она голосом, достойным диктатора. – Они от вас в восторге, вот и развлекайтесь себе. А моих придурков оставьте мне. Это учреждение закрытого типа, и я пустила вас на территорию только для того, чтобы лично сказать: здесь вам не место. Если вы человек умный, поймете с первого раза. Удачи.

Она развернулась на каблуках и направилась к выходу. Форма у нее была прекрасная – икры переливались при каждом шаге, осанка была ровной, талия – узкой. Мне нужно было срочно предпринять контрмеры, ибо от подобного маневра я даже опешил. Это был удар под дых – быстрый, точный и, самое главное, неожиданный. Бой вот-вот закончится, не успев даже начаться. Дыхание перехватило, но я собрался с мыслями.

– Придется мне в таком случае при следующей беседе с моими знакомыми из ФСБ вскользь упомянуть о том, какую жизнь ведет бессменная заведующая дурдомом у черта на куличках, – выпалил я на одном дыхании. Быстро, но четко, без лишней суеты. – Я догадываюсь, куда уходят бюджетные деньги. Весьма немалые. Скорее всего, вы работаете в связке с кем-то из властных структур, но тем лучше для моих друзей – чем крупнее рыба, тем жирнее палки.

Ядвига Павловна приостановилась у входа, но не обернулась. Стояла, замерев, будто древнегреческая статуя, а затем бросила напоследок, так и не показав мне своего лица:

– Удачи в ваших начинаниях.

Она скрылась за прочными стенами своей черной обители, оставив меня в дураках. Это было объявление войны. Открытое и весьма скорое. Даже не знаю, как описать мои чувства в тот час, – во мне бурлил гнев, который поглощался азартом. Две эти стихии бесились внутри, разрывая меня в клочья, как будто я прочитал «Лолиту» в четырнадцать. Краснощекий, напряженный, словно тетива Леголаса, я направился обратно к машине, держа уверенный ритм. Иван уже запустил двигатель и молчаливо ждал указаний. Я командовал, и мы тронулись. Это было фиаско. Первое фиаско в войне, победа в которой была лишь вопросом времени. Оно, признаться, это фиаско, подзадорило меня, когда спал эмоциональный паралич. Я должен был попасть в это учреждение во что бы то ни стало, а для этого мне было необходимо задействовать силы извне. Силы, способные нанести мощный удар по глухой обороне диктаторши. Но для начала я должен был вооружиться информацией – изучить бестию вдоль и поперек, нащупать слабые места и надавить на них со всей силы.

Думы мои прервал телефонный звонок. Это был капитан Соловьев.

– Слушаю.

– Соловьев.

– Узнал.

– У нас труп, Илларион Федорович, – пыхтя, выпалил он. – Убийство. Я подумал, может, вам будет...

– Адрес, – прервал я и включил громкую связь.

– Революции, сорок один.

Иван кивнул, приняв информацию. Я сбросил вызов. Ну, что за превратности судьбы? Труп. Убийство в Большой Ручке в тот самый отрезок времени, когда эту клоаку посетил сам граф Лихачевский! Все же не зря Гитлерша меня отшила, ибо мне так или иначе пришлось бы выдвигаться на место преступления, пожертвовав планами в психушке. «Волга» заревела, Иван понизил передачу и рванул, нутром чувствуя бенефит от скорого прибытия на место преступления. Я же, дабы не терять времени, позвонил в дороге своему шефу в редакцию.

– Ларик! Как дела?

– Нужна помощь.

– Это мне нравится! Значит, что-то серьезное накопал.

Говори.

– Ядвига Павловна, заведующая местным дурдомом, наотрез отказывается идти со мной на контакт. Мне нужны все ее трещинки, чтобы расковырять их как следует. Живет дама роскошно, так что нужно подключить кого-нибудь из кабинетов, где висит портрет царя.

– Сделаем, – бубнил дядя, записывая данные. – Есть еще

новости?

Но я уже отключился, ибо растрачивать время на пустую болтовню был не намерен. К тому же дядька мой давно привык к моим этическим причудам и не таил обиду из-за подобных финтов.

Иван топил, что есть мочи, не щадя свой металлолом. Я между делом изучал этого юношу, миссия которого на ближайшее время была проста и в то же время чрезвычайно важна. Возить графа Лихачевского по деревне, молчать и терпеть его барские выходки. На подобную роль Иванушка подходил как никто иной. Всегда выбритый, бодрый, краснощечный, с белесыми бровями и аккуратной деревенской стрижкой, он носил чистые светлые рубашки без пятен и изгибов, а пахло от Ивана, да и в его автомобиле, всегда свежестью. Не могу описать как ценю подобные мелочи, тем более в том месте, где соблюдать вышеупомянутые данности весьма затруднительно, ведь обстановка вокруг так и подталкивает нарушить тот или иной пункт из списка благородных принципов «человека опрятного». Это был тот редкий бриллиант среди кучи дерьма, который стоило ценить, и я поистине лелеял своего извозчика, снабжая его периодически зеленой купюрой в знак своей признательности.

Улица Революции была одной из тупиковых артерий деревни. Она брала свое начало от площади Суворова, пересекаясь с Ленина, Калинина и Пушкина (по которой можно было попасть к моему имению на горе). Это была довольно уют-

ная узкая улочка, вдоль которой располагались жилые дома – всего сорок один. Часть из этих строений выглядела заброшенными, вторая половина походила на попавшие под авиаудары развалины. Мы медленно катились по улице, объезжая потоки тянущихся к месту происшествия по дороге людей. Дом под номером сорок один расположился в конце улицы, прямо на границе с лесом. Здесь уже толпились деревенские зеваки, прибывающие со всех концов Большой Руки. Слоняющиеся от безделья, они гудели, пересказывая друг другу обрывки выдернутой из потока информации, перерастающие впоследствии в слухи, а еще позже трансформирующиеся в обросшие красочными деталями истории. Конечно, правды в этих мутировавших историях было на грош. По сути, высшее общество ничем не отличалось от местных дикарей. Те же слухи, распускаемые бездельниками вроде меня, только приукрашенные красивыми словесными оборотами и вытекающие из бесед в закрытых клубах за бокалом коллекционного виски. Разница лишь в эстетике.

У входа в дом был небрежно припаркован полицейский «Бобик», с крыши лачуги напротив в бинокль глазели местные пацаны, а помощник Соловьева Дима упорно сдерживал натиски напирательной любопытной толпы. Подвыпивший, он будто сторожевой пес рывкал на лезущую вперед толстуху в платке и домашнем халате, силой отталкивал прущего напролом пьяницу, успевал отвешивать подзатыльники особо ретивым мальчишкам. И как бы ни напирала эта биомасса,

Дмитрий с достоинством сдерживал свою линию Блицкрига, не предаваясь отчаянию. Он орудовал умело – где можно было обойтись словами, звучало хлесткое предупреждение. Тех, кто был понаглее, крыл отборным деревенским матом, а уж и к вовсе наглým не гнушался применять свою молодецкую силу. Я с любопытством наблюдал за его действиями – отточенными, как будто он проделывал подобное каждый день. В своей потертой кожаной куртке, которая досталась ему, вероятно, еще от отца, с растрепанными кудрявыми волосами, с лицом, испещренным угрями. Он был худощав, краснощек, с высоким лбом и с узкой полоской бледных, поджатых в вечном переживании губ. Глаза его были затуманены алкоголем, слезились, а снизу отдавали красным. Это был один из типичных представителей деревенской молодежи в современной России. И если у Ремарка было потерянное поколение, то поколение, к которым принадлежал Дима, я называл невидимым. Они были невидимками, эти двадцатилетние не пристроенные провинциальные юноши и девушки. Они ничего не умели делать, не обладали какими-то особыми навыками, да и не хотели они ничего делать и ничем не хотели обладать. Они бесцельно жили там, где им не хочется, занимались тем, от чего их тошнило, но менять ничего они не решались, потому что не умели меняться сами, а учиться у них не было желания. Вот и коротали они свои жизни по деревням да прочим провинциям, погружившись в плен безысходности, и жаловались каждый день, и страдали,

но ничего при этом не делали. Эти невидимки были детьми своего времени. Они принимали участие в жизни, существовали на бумаге, по всем юридическим законам, но их как будто и не было вовсе, потому что, если их убрать (например, кто-то из них внезапно умрет), этого никто и не заметит даже. Димка был ярким представителем поколения невидимок. Распределили в академию МВД, не доучился, выперли, вернулся обратно, пристроился к Соловьеву – не благодаря своей сноровке, а опять-таки из-за стечения обстоятельств. И работает теперь не пойми кем – то ли сотрудник, то ли шнырь какой-то. И зарплаты вроде нет, и перспектив тоже не наблюдается, а все равно работает, и отталкивает этих прущих напролом невежд, и кричит на них, как будто собственность свою защищает.

Полуполицейский Дима, завидев меня, тут же поменялся в лице. Вся его сосредоточенность, вся его ювелирная работа, которую он проделывал до этого, как будто нивелировалась в один момент. Он обмяк, вытянул лицо и неуверенно направился навстречу ко мне, вмиг сменив амплуа.

– Илларион Федорович, добрый день, – сказал он, по дурости своей ослабляя оборону дома. Одичалые воспользовались мгновением, чтобы сдвинуть линию. – Капитан Соловьев внутри. Проходите.

Я оглядел дом под номером сорок один, который на фоне прочих местных халуп выглядел еще весьма даже прилично. Аккуратное одноэтажное здание. Новенький фасад,

решетки на окнах, шифер на крыше. Хозяин явно был из тех, кто ухаживает за своим жилищем. Был здесь небольшой палисадник, спутниковая антенна на крыше, а забор так и вовсе представлял собой образец деревенского домоустройства. Правда, в отличие от иных местных заборов – сплошь низких, из какого-то гниющего покосившегося дерева, – этот забор представлял собой надежную защиту от посягательств извне. Кирпичный, метра в два высотой.

– Хорошо стараешься, – сказал я Дмитрию, и тот просветлел, как будто удостоился похвалы от самого Иисуса. – Но если ты так и продолжишь пялиться на меня с блаженством, то дом наводнят эти мелкие убудки.

Я кивнул в сторону мальчишек, которые уверенно пробегали к входу. Дмитрий спохватился, извинился и рванул к ним, по дороге извергая поток заготовленных заранее матерных словосочетаний.

На крыльце меня ждала приоткрытая металлическая дверь – еще один защитный рубеж, не свойственный местным жителями. Я вошел под своды деревенского дома, раздвинув прозрачную тюль «антимуха» на входе. Заметил блок управления сигнализацией – предмет, в подобной глубинке входящий в разряд излишеств. Брякнул какой-то карательный колокольчик, и из комнаты навстречу мне вывалился Соловьев. В своей помятой форме, озабоченный и напряженный. На руках его были медицинские перчатки, в кармане сквозь штаны горел фонарик, а лысеющую голову по-

крывали многочисленные испарины пота. Стоял спертый запах деревенской хаты, но убранство в целом прилично отличалось от типовых берлог местных крестьян. На первый взгляд здесь было даже чисто, что меня, человека, привыкшего наблюдать изо дня в день за безумством срача, повергло на первых порах в некий ступор. Из корзины с крабами вырваться весьма не просто, и хозяин этого дома, вероятно, делал в этом направлении некие успехи.

– Эксперты из Екатеринбурга будут через полчаса, – суетливо брякнул капитан вместо приветствия и вытер платком вспотевший затылок.

Я кивнул, попытался войти в комнату, но капитан преградил мне путь, встав на пороге своей кабаньей тушей. Он наморщил лоб и как-то странно заглянул мне в глаза. Настоящий боров, он был ниже меня на голову, но куда шире и коренастей. Я почувствовал запах алкоголя и табака.

– Илларион Федорович, – выдавил он из себя, откашлявшись. Ему было неловко, но Соловьев – все-таки мент, и неловкость каким-то чудным милицейским образом была подавлена профессиональным напором. – Эта картина не для всех. Я знаю, что будут говорить о нашей деревне, когда новости об убийстве просочатся в региональные СМИ. Такое не каждый день встречается даже на «НТВ»... Раз уж вы журналист и у нас с вами вроде как складываются доверительные отношения...

– Я видел всякое, если ты переживаешь за мою впечат-

лительность, капитан. Что касается публикаций. Я здесь по делу пропавшей девочки. Я не новостник, а документалист, который работает над большим проектом, и меня не интересуют деревенские толки. Желтухой я не занимаюсь.

– Просто я знаю, как это бывает, – он почесал проплешины, не сдаваясь. – Мы тут себе тихо-тихо жили, вроде даже как неплохо всем тут было. А тут... – вздохнул, опустил маленькие глазки. – Большое начальство приедет... Копать начнут, виноватых искать.

– Боишься по шапке получить? – усмехнулся я. – Это призрак коммунизма в тебе колбасится, капитан. В Союзе ради отчетов чего только не придумывали. Маленькие доклады вали тем, кто побольше, что все у них хорошо. Те выше передавали, и так до самого верха. И ведь все хорошо было, но как только копнешь, обязательно на говно наткнешься. Сегодня уже не те времена, хоть мы и недалеко ушли. Ты можешь быть спокоен, я сделаю свою работу максимально корректно. Партийный ремень обойдет твой зад стороной, не напрягайся, не отшлепают.

– Спасибо, признателен, – Соловьев утер тыльной стороной ладони пот с лица и уступил мне дорогу.

В затхлой темной комнате (шторы были задернуты, дабы избежать лишних глаз) передо мной развернулась самая странная картина, которую мне только доводилось наблюдать в своей жизни. Опишу все в мельчайших подробностях, ибо это чрезвычайно важно для дела. Итак, вот что пока-

зал мой осмотр при первом взгляде. Это был зал квадратов двадцать площадью. Типичная комната русского обывателя – телевизор, сервант, диван, шкафы, ковер на стене. Вся мебель и детали интерьера были расставлены по стенам и углам, освобождая центральную часть. В центре комнаты расположился труп старика – на вид лет семьдесят. Он лежал на спине, с искаженным от боли лицом. Губы его были синими, глаза широко открыты. Старик был абсолютно голым, руки и ноги его были растопырены по принципу Витрувианского человека. На животе его был толстый розовый шов от шеи до паха, небрежно стянутый плотными черными нитками. На левой руке виднелось нелепое черное тату в виде стоящей на задних лапах свиньи. По телу ползали мухи, запах стоял не из приятных. На запястьях виднелись кровоподтеки, ребра, судя по первому осмотру, были переломаны.

Я достал смартфон, сфотографировал интересующие меня детали и прошелся по комнате, изучая убранство. Капитан Соловьев озабоченно стоял в проходе, глядя с недоверием то на труп старика, то на меня.

– У вас не найдется... – заикнулся он, когда я полез в книжный шкаф.

– На кухню, – прервал я.

Мы прошли с ним на кухню, я сбросил перчатки и достал из своего чемодана бутылку виски. Соловьев быстро нашел нам чистые стаканы, и мы налили по сотне. Он опрокинул разом, я медленно цедил.

– Кто он такой? – спросил я, отодвигая занавеску на окне. В огороде дежурили любопытные мальчишки, прятавшиеся за деревом черешни.

– Дед-то? – нюхая рукав голубой рубашки, переспросил капитан. – Матвей. Дед Матвей. Жил тут себе тихо-тихо. Ни с кем не общался особо. Затворником был вроде. Я его не знал толком, да и жители тоже не много чего о нем сказать могут. Жил на отшибе, никого не трогал. Не знаю даже... Не знаю, – он покачал головой и тупо уставился в стену. – Не знаю, не укладывается как-то.

– Не раскисай, кэп, – хмыкнул я. – Ты тут вроде как за Бэтмена, так что слез лить не надо. Готэм не простит тебе этого. Здесь герой нужен, а не нюня.

– Ох, что будет теперь...

– Ничего не будет, – я хлопнул его по плечу. – Но послушай, что я скажу. Это уже серьезное дело. Пропажа ребенка – это одно. Труп, – я бросил пренебрежительный взгляд в сторону комнаты, где лежал дед Матвей, – и труп не простой – это совсем другое. От тебя требуется холодный рассудок и профессиональный подход к этому делу.

– Да уж...

– Возможно, это твой звездный час, Соловьев, – я плеснул ему в стакан. – Кто-то на таких делах горит, а для других это шанс взлететь. Скоро приедут эксперты – тебе нужно будет хорошенько поработать и не дать этим ребятам все запороть. И сам не нажрись – предстоит сложная работа. Нужен свет-

лый разум, чтобы не упустить детали. Понял?

Капитан кивнул.

– Кто обнаружил труп?

– Девка какая-то приезжая... – Соловьев накатил и снова занюхал рукавом.

– Какая еще приезжая девка? – недоуменно спросил я.

– Сами еще ничего не знаем. Димка ее в участок еще утром отвез, она там с нашим Гномом вместе ждет, пока мы тут закончим. Нас на всех не хватит.

– Так, капитан, – я покачал головой, достал из своего арсенала диктофон и максимально сосредоточился. – Давай по порядку. Труп этого вашего деда Матвея обнаруживает какая-то приезжая женщина, которая не живет в Большой Руке. Верно?

– Да.

– Она приходит в этот дом с каким-то Гномом, звонит в полицию, приезжаете вы, а она, эта женщина, и этот Гном сейчас в участке, ждут, когда вы их допросите. Так?

– Так.

– Что это за Гном?

– Карлик тут у нас есть один. Ефим. Не совсем в рассудке. Лет шесть в психушке провел, потом отпустили его. Инвалидность оформил и шатается по деревне, помогает всем. Его тут все любят – он и воду носит, и с выпасом помогает, да все, что просят, делает. Работящий парниша.

– Значит, так, – я поднялся со стула. Соловьев поднялся

следом. – Ты закройся тут на замок и жди специалистов из центра. Обыщите дом, снимите отпечатки. Все интересное тащи в участок – записные книжки, телефоны, документы, фотографии. Этот дед Матвей явно переживал за свою безопасность – вон как дом свой оградил. Я с Димкой твоим поеду к этим двум и буду присутствовать при допросе. Чуть что, сразу звони. Ясно?

– Ясно, – поникшим голосом ответил капитан и покосился на бутылку виски. Но бутылку я забрал с собой – нельзя было допустить перебора.

Вот так я в критический момент перехватил инициативу, воспользовавшись эмоциональной менструацией своего сподвижника. Объяснюсь, что у меня на уме. Соловьев, хоть и мент, человечешко простой – не шибко мозговитый, с монгольским восприятием (то есть готов биться челом о землю перед тем, кто его превосходит), но при этом крайне мне полезный и, если отбросить все клише, впрочем, даже не гнилой. При всей перспективе дела пропавшей девочки убийство, да еще и такое экстравагантное, для европейских гурманов будет куда более изысканной темой. Шесть убийств за двадцать лет. По три целых и три десятых в год. И тут – вуаля! Седьмое. Это больше смахивало по эксклюзивности на затмение, и я совершенно случайно застал тот самый момент, когда луна закрывает солнце. Руками Соловьева я решил сопровождать это дело от начала и до самого конца, а концом должно стать слово, которое возбуждает похлеще

Галь Гадот. «Сенсация».

Иван мялся в нерешительности спросить у меня что-то по дороге в участок, но я томил своего возницу молчанием, не желая лишний раз расплыться. Повторюсь: с водителем мне повезло – надрессированный и дисциплинированный, он бы идеально вписался в мою жизнь в Питере в качестве мальчишка на побегушках. Мне стоило посмотреть на него поближе, ведь ответственные кадры в России на дороге не валяются, а уж тем более те, кто обладает самым важным качеством служаки – самодисциплиной. Рядом со мной сидел Дмитрий, помощник Соловьева на общественных началах. Он смотрел в одну точку перед собой, не шевелился и, казалось, не дышал, однако перегар его даже при отсутствии дыхания заполнял салон «Волги». Подобный трепет (по большей части бесполезный) начал меня раздражать, и я прервал молчание.

– Что тебе известно об этом Матвее?

Димка встрепенулся, как будто я вывел его из комы дефибрилятором, покрутил головой на тонкой шее и промямлил:

– Да особо-то не много известно, – он сглотнул, протер рыбы глаза. – Вроде как, говорят, он с дочкой жил.

– Кто говорит?

– Из толпы кто-то бубнил, когда я дежурил у входа. Дескать, дочка-то где? Я спросил еще: «У него и дочка была?». «Ну, конечно, все это знают».

Я сделал записи у себя в смартфоне.

– Еще что?

– Еще, еще... – пробубнил Димка, напрягая извилину как будто на экзамене. – Ну, не местный дед Матвей. В смысле не родился в Большой Руке. Мы всех, кто тут не родился, местными не называем. Приехал пацаном откуда-то. Поселился на краю деревни, так и жил в отдалении, пока не... Сами знаете.

– Пока не помер, – завершил я. – Не бойся произносить это вслух. Ты же мент.

Дима зарделся, на прыщавых щеках появился румянец. Похоже, «мент» для него было неким недостижимым статусом. Я усмехнулся, вглядываясь в это юношеское потасканное лицо. Пьющий юнец без особых задатков и ума, но кто, если не он, будет осуществлять функции, возложенные на МВД, в этой дыре?

В участке, где безгранично царствовал престарелый гражданский охранник на входе, ожидала странная парочка. Мы прошли мимо скучающего деда – морщинистого и древнего, возможно, даже неандертальца, и направились напрямик к ожидающим. Парочка сидела в приемной, не скованная ни наручниками, ни стенами, ни решетками, разве что собственной совестью. В пустующем здании были лишь они да старый вонючий цербер на входе, который доживал свои последние дни. Я шел первым, Дмитрий семенил за мной, подрядившись нести мой чемодан. (И откуда эта тяга к услужливости во времена, когда нет ни царей, ни генсеков?) Оба

– и женщина, и этот Гном – при виде нас поднялись со стульев, ожидая дальнейшего развития событий. Я встал напротив, внимательно изучил обоих и указал на дверь, ведущую в кабинет Соловьева. Дмитрий вопросительно на меня поглядел: боялся кабинета начальника, как и самого Соловьева, но я его заверил: тут у меня полный карт-бланш, и капитан дал мне полномочия, равные его собственным, а то и куда больше. Действительно, хоть и мало похоже на правду. Мы вошли в пропахшую дымом каморку, где вчера было распито два бутылка добротного виски, и я указал Дмитрию на стол начальника. Он снова смерил меня своим предынсультиным рыбьим взором, я настоял очередным огненным взглядом, и он неуверенно поплелся к шефскому штурвалу. Парочка расселась на стулья напротив, где еще давеча пылились кипы папок и бумага. Я же остался стоять у входа, вооружившись заметками и диктофоном. Воцарилось молчание – Дмитрий собирался с мыслями, я выжидал, когда напряжение в комнате достигнет апогея. Женщине было лет тридцать – в каком-то странном растянутом желтом плаще до пола, совершенно не летнем, в резиновых ярко-желтых сапогах, с растрепанными белоснежными волосами. Волосы ее были полностью седыми, вызывая диссонанс с молодым лицом – серым и мрачным. Губы ее были поджаты, зеленые, неестественно огромные глаза опущены. Она выглядела так, как будто была напугана, но при детальном изучении мне показалось, что вместо страха она была преисполнена полней-

шим безразличием. Какая-то дикая отрешенность, какая-то бездонная пустота в глазах. Гном – коренастый карлик, с тупой полуулыбкой на физиономии, лысый, сальный, премерзкого виду. Одет он был в пеструю рубаху, которая была ему по колено, шорты и шлепанцы. Ноги его, конечно, не доставали до пола, и он болтал ими, будто девятилетка, сидящий на пирсе у моря. Стоит добавить, что несло от этой парочки весьма дурно, и я поручил Дмитрию распахнуть настежь и без того трухлявые полуразбитые окна.

– Начнем допрос, – мой голос разорвал докучающую тишину. – Это Дмитрий – сотрудник отдела полиции Большой Руки. Допрос проводится в присутствии представителя СМИ. Прошу, начинайте.

Дмитрий вытаращил глаза, напрягся, стиснул зубы и выдохнул. Вся эта история была ему явно не по душе. Откашлялся, оглядел всех по очереди, потом перевел взгляд на меня. Я кивнул на капитанский компьютер. Дмитрий соблаговолил его включить трясущимися то ли от выпитого, то ли от страха руками.

– Мм, – бурчал он под хруст жесткого диска из девяностых. – Двадцать седьмое июля две тысячи восемнадцатого года. Большая Рука. Имя, фамилия? – он вопросительно посмотрел на даму, придав себе вид, полный суровости. Получилось комично, но никто, кроме меня, комичности не заметил.

– Ефим Петров, ребятаки, – выпалил карлик вне очереди

и повернулся ко мне, как бы показывая, что это он и есть. Дмитрий перевел недовольный взгляд на него.

– Дата рождения, место проживания.

– Четырнадцатое октября тысяча девятьсот семьдесят первого, Большая Рука, улица Гагарина, дом двенадцать.

– Семейное положение.

– Холост, конечно, я же карлик. Да еще и с желтой справкой, – пошутил он и растянулся в беззубой улыбке.

– Наличие судимостей.

– Только принудительное лечение, вы же и так все знаете, ребятки.

– Знаем, – кивнул Дмитрий, барабаня пальцами по клавиатуре. – Но формальности соблюсти обязаны.

– Место работы.

– Безработный. Но вы также знаете, что я помогаю всем тут, в Большой Руке. Так что работы на самом деле хватает. Занят поболее работающих бываю.

– Так, давайте отвечать на вопросы без лишних комментариев, – входя в кураж, буркнул Дима. Настоящий русский мент просыпался в нем, как будто оборотень в полнолуние. – Ваше имя, – он перевел взгляд на даму.

Она подняла глаза на него, но ничего не ответила.

– Имя, фамилия, – повторил Дмитрий голосом, полным ментовской стали.

– Я... – замешкалась женщина. – Я не знаю.

– Что значит «я не знаю»? – насупил брови Дима.

– Я не помню...

– Позвольте вступить, – снова встрял Гном.

– Не позволю, – парировал Дмитрий.

– Вступите, – скомандовал я, и Дмитрий, который, казалось, и вовсе забыл, что я присутствую в комнате, тут же дал заднюю и умолк, сделавшись в одночасье из большого начальника только родившимся котенком. Я-то прекрасно знал, что пускай лучше говорит опрашиваемый – того и глядишь, чего лишнего ляпнет, тем более этот Гном автоматически попадал в разряд подозреваемых.

Ефим снова обернулся, как бы посвящая свою следующую фразу мне, но я жестом указал ему на Дмитрия, давая понять, что допрос ведет именно он.

– С чего бы начать... – почесывая лысину, проговорил он.

– С начала начни, – выпалил Дмитрий, стараясь отыграть позиции. – И рассказывай, пока не остановим.

– С начала, с начала... Так, – карлик сделался серьезным, задумался. – Рано утром, часов в пять, я шел к колодцу.

– С какой целью?

– Набрать воды для хозяйства бабки Софы, – пожал плечами Ефим. – Я каждое утро ей воду ношу. У нее ведь там свиньи и...

– Продолжай.

– Ну, значит, иду я и вижу у колодца девушку. Странная какая-то, ходит по кругу, как будто с луны свалилась. Бурчит себе под нос что-то.

– Эту девушку? – указал на женщину в желтом плаще Дмитрий.

– Эту самую, – подтвердил Гном.

– Дальше.

– Ну, я подхожу и говорю: «Милая дама, тебе помочь чем?». Она вздрогнула, испугалась. Конечно, не каждый день карликов встречаешь, меня-то тут все знают, привыкли. А эта, сразу видно, не из местных, я местных всех знаю. Ее первый раз вижу в Большой Руке, это точно. «Кого ищешь иль заблудилась?», – спрашиваю. Она глазами слезливыми хлопает и говорит: «У меня, говорит, память отшибло. Ничего не помню – имя не помню, кто такая, не помню, как оказалась тут, тоже, говорит, не помню». Ну дела! А в руках бумажку какую-то крепко сжимает. Говорю: «Это что такое?». Она кулачок разжимает, а там записка, дескать: «Матвей и Галя, Большая Рука, улица Революции, сорок один. Пятнадцатое июля две тысячи восемнадцатого года. Свинья и Лось».

– Стоп, – прервал смекалистый Дмитрий. – Где эта записка?

– Да вот же она, – женщина разжала руку и подала ему смятый листок, вымоченный в поту. Он взял лист, развернул и внимательно прочитал.

– Слово в слово, – с удивлением поглядел он на карлика. – Ты что, выучил содержание, что ли?

– Так у меня память хорошая, я в психбольнице стихи по

вечерам всей палате читал. Сразу все запоминаю. Вот и котировки биржевые все по утрам наизусть знаю, и погоду во всех странах мира.

– Тебе-то зачем котировки эти? У тебя хоть полтинник-то в кармане водится? – усмехнулся Дима, но тут же посерьезнел, осекся. – Что это значит? – он обратился к седовласке и покрутил бумажкой перед ее лицом. Она отпрянула, повертела головой. Дескать, не знаю. – Дальше что было?

– Ну, я, это... – карлик снова почесал лысину. – Сначала подумал, что эта дама из психбольницы сбежала – там таких полно. Но потом прикинул, что в принципе всех в этой конторе я знаю, а тех, кого не видел, просто так не выпускают. Ну, я и говорю ей: «Слушай, так я ведь знаю деда Матвея и дочку евонную, Гальку. Айда, провожу». Она и согласилась. Двинули мы в сторону дедова дома, к порогу – и в дверь стучать. Тишина. Странно, дед всегда дома был, по ночам только выходил на воздух. Я дверь попробовал – она и открыта. Когда это такое было? Дед никогда никого в дом не пускал, а тут... Настежь прям. Зашли внутрь, смотрим, а там... Ну, вы дальше-то и сами видели, что там в доме случилось. Мы тут же к телефону бросились, он у соседа через три дома есть, у Гришки. Позвонил я Виктору Ивановичу, он примчался тут же, а нас сюда отправил. Вот и вся история, хлопчики. Ни убавить, ни прибавить.

Дима бросил вопросительный взгляд.

– Что можешь сказать про деда Матвея? – спросил я у

Гнома. Тот снова обернулся.

– Да одиночка он, – развел руками карлик. – Всех сторонился всегда, всех опасался. Не доверял никому. Но дикарем не был, больше человеком порядочным считался. Я тут всех знаю, со всеми общаюсь, но с дедом так и не навел контакт за все время. Даже дома у него ни разу не гостил. Такой он был.

– Вы трогали что-то в доме?

– Упаси бог, – Ефим перекрестился.

Я снова поглядел на Диму и кивнул.

– Так, – он принялся печатать что-то на принтере. – Сейчас подпишите протокол допроса, пару формальностей – и отправитесь по домам. Ну, – он посмотрел на Ефима, – ты-то домой, а она...

– Она поедет со мной, – сказал я. Девушка обернулась, в огромных зеленых глазах проскользнул испуг или еще какая-то чертовщина. Она схватила за рукав карлика в поисках спасения.

– Странно, – я почесал подбородок. – Впервые в жизни мне предпочитают карлика. Наверное, мир и правда катится черт знает куда.

Запись 4

Тот же день

Сразу после допроса я отправил Ивана с неизвестной седовлаской к себе домой – то бишь в дом на гору к Агапу и

Марии. Приказал оказать ей человеческий прием, вымыть, выходить, накормить и уложить спать. Поясню свой интерес к этой особе. Наличие у нее при себе записки, где упомянут убитый дед Матвей и его дочь, меня не на шутку взбудоражило. На запястье покойника отчетливо виднелось выжженное клеймо в виде свиньи, в записке также было упоминание этого грязного животного. Совпадение? Думай сам, почтенный читатель. В то, что она лишилась памяти, я хоть и с трудом, но все-таки верил – такое случалось и со мной после буйных нарковечеринок. Человек может потерять память при падении, может лишиться ее и от стресса, такие случаи также не редкость. Я надеялся, что наша дама лишилась воспоминаний временно, и спокойная обстановка, уход и покой помогут эту память освежить. Судя по ее белоснежной шевелюре, переживала она по поводу и без оного – иначе как можно было объяснить подобную седину в далеко не преклонном возрасте? Вероятнее всего, она была каким-то образом связана с покойником и его дочкой. Эту связь я и хотел нащупать, но доверять столь хрупкую ступень к правде бездарностям вроде местных ментов позволить себе я не мог.

Карлика Ефима мы отпустили восвояси сразу после беседы. Интересы к этому персонажу я не испытывал, однако списывать его счетов я тоже не стал. Гнома знала вся округа – он всегда был поблизости, со всеми поддерживал контакт и слыл трудолюбивым шутником. Включать его в список при-

частных к преступлению я пока стал, но сделал себе пометку – вернуться к юридическому, как только появится первая okazия. К тому же его феноменальную память я принял за полезный инструмент, которым можно будет воспользоваться в будущем. Камер видеонаблюдения в этой дыре не было, так чем же Гном не сойдет за камеру? Всех знает, везде бывает, все помнит.

После допроса мы с Димой отправились обратно к месту преступления на служебном ментовском мотоцикле с люлькой. На таких аппаратах я никогда раньше не катался, и дорога на этот раз показалась мне приятной прогулкой с ветром в лицо, со стреляющими тактами двигателя и стаями бегущих за мотоциклом собак.

Возле дома номер сорок один по улице Революции все еще толпились бездельники, теперь уже, правда, в меньших пропорциях. Немецкий минивэн с екатеринбургскими номерами покорно ждал экспертов, заканчивающих свою работу, у входа. Дом, как положено, теперь был оцеплен лентой и хотя бы отдаленно напоминал место преступления. Мы прошли внутрь, эксперты из Екатеринбурга уже сворачивались. Троица спецов с замученными надменными физиономиями собирала свои пожитки в кейсы, капитан Соловьев задумчиво курил у окна в полном молчании. Он поморщил лоб, завидев меня, затушил свою сигарету и встал. В воздухе царило напряжение.

– Тут еще кое-что нашлось... – устало вымолвил он и по-

плелся в сторону кухни.

Мы с Дмитрием тут же устремились за ним. Стол, где мы утром успели махнуть по стаканчику, был отодвинут, ковер под ним свернут. Открытый люк в неизвестность приглашал меня погрузиться в невероятное приключение. Черная зияющая дыра в середине кухни выглядела многообещающе. Я сбросил пиджак, повесил его на спинку стула, закатал рукава на белой рубашке, обозначая готовность. Соловьев зажег фонарь и заправски нырнул внутрь, проделывая это, судя по всему, не впервые. Я следом. Замыкал шествие внештатный помощник Дима, суетливо оглядываясь по сторонам, как будто мы строем шли на какое-то преступление. Мы спустились во тьму по хрустящей старой лестнице и оказались в мрачном погребе. Пахло сыростью, полки вдоль стен ломились от закаток с помидорами, вареньем и компотами. Слабое освещение не позволяло составить план тайного помещения. Один из шкафов с банками был отодвинут, в стене чернел проход. Капитан шмыгнул в проем под низкую арку, я пригнулся и проследовал за ним. Оказались мы в холодной землянке с низким потолком, едва не опускающимся мне на голову – стало быть, потайная комната в погребе. В подземелье было слабое освещение, у стен – полки с какой-то литературой, несколько стульев, пол земляной. В центре комнаты квадратов шести стояла тренога, на которой красовалась белая школьная доска. На доске той магнитами были расклеены в ряд фотографии детей разных форматов – все-

го одиннадцать штук. Фотографии были цветными, но сильно затасканными – кое-где виднелись надрывы и трещины. Под каждой из фотографий виднелась подпись. Сейчас я попрошу читателя внимательно отнестись к нижеследующему описанию, ибо оно представляет колоссальную ценность для дела, а быть может, читателю сего дневника придется не раз возвращаться к этому абзацу, так что было бы лучше его и вовсе как-нибудь пометить. Итак, все одиннадцать фотографий были выстроены в ряд слева направо. Над каждой из них виднелись две цифры, а под каждой из фотографий были пометки. Что-то перечеркнуто, что-то исправлено или вовсе стерто, но в целом передо мной предстала следующая картина:

48

Фото мальчика

СВ

МР

58

Фото девочки

КР

БР

68

Фото мальчика

КО

МР

78

Фото девочки

РЫ

БР

88

Фото мальчика

ОБ

МР

98

Фото девочки

ИН

БР

08

Фото мальчика

ЧЕ

МР

18

Фото девочки

ЛО

БР

28

Фото мальчика

ЛО

МР

38

Фото девочки

ЛИ

БР

48

Фото мальчика

СО

МР

Я сфотографировал доску с разных ракурсов и посмотрел на Соловьева, решив, что, прежде чем строить догадки, было бы хорошо справиться, что он уже знает.

– Эта девочка, – он указал пальцем на восьмую фотографию слева, – и есть пропавшая Таня Шелепова. Я бросил взгляд на светловолосую большеглазую девчонку в ярко-желтом платье.

– Кто остальные?

– Пока не известно, – покачал головой капитан. – Ребя-

та из Екатеринбурга должны забрать это на экспертизу, но я хотел, чтобы вы увидели эту композицию лично.

– Есть догадки, что это за цифры и аббревиатура? – спросил я.

– Нет. Кумекал, размышлял, пока вас ждал, но ничего в голову не лезет. Нужно разбираться, копать.

– Больше тайных комнат здесь нет?

– Больше нет.

Мы выбрались из погребца, пропахшие гнилью и обескураженные. Во мне бушевала настоящая буря, кровь закипала, и пульсирующие виски требовали виски. Неужели мы наткнулись на серийного убийцу? Маньяка? От одной этой мысли делалось дурно – я и представить не мог, что лопата бедного кладоискателя так скоро ударится о твердую крышку сундука, наполненного сокровищами. Но и жуть, в которую я погрузился в этом мрачном месте, также не давала мне покоя. Одиннадцать детей! По коже прошла дрожь. Нужно было срочно влить в себя что-то.

– Можете забирать, ребятки, – крикнул Соловьев командированным. Эксперты оживились и проследовали в погреб, побросав недокуренные сигареты. – Сейчас труповозка подъедет – и можно сворачиваться. Ну, кого подбросить? – устало спросил он.

– Куда это подбросить? – поинтересовался я.

– Домой, – пожал плечами Соловьев. – Смеркается, вроде как день трудный был.

– Домой вы попадете не скоро, капитан, – торжественно вымолвил я, подняв указательный палец вверх. Лицо его сделалось еще более кислым, вытянулось. – Сейчас мы едем с вами в штаб, то бишь в вашу Милицию-Полицию, для проведения планерки. Девочка похищена, нам требуется собрать и проанализировать информацию, ибо каждая минута на счету (учиться бы мне на актера).

– Мне тоже обязательно присутствовать? – из-за плеча Виктора осторожно высунулся Дима.

– Обязательно, – кивнул я. – Ты, Дмитрий, часть этой команды, на плечи которой ложится вся ответственность по столь сложному и запутанному делу. Пускай и внештатная часть.

– Но у меня...

– Запасемся хорошим виски и посвятим ночь работе, господа, – не дал ему договорить я, и глаза бедолаги блеснули огнем, когда перспектива провести вечер с местной молодухой резко изменила вектор. Больше до участка он не проронил ни слова.

В отдел мы прибыли, когда часы пробили восемь. Соловьев разбудил древнего сторожа, который выполз на крыльцо участка с недовольным заспанным лицом. Пахнуло перегаром и старостью, двери были отперты и мы, вооружившись всем необходимым, ворвались в кабинет начальника. Капитан уселся за свой компьютер, насупился недобро, ощутив некие изменения в привычных для него деталях – и стул

был не так подоignan, и клавиатура не на месте, и монитор повернут немного. У Дмитрия между тем едва не случился удар. Но беда миновала, начальник восстановил привычные настройки своего рабочего места и вроде как даже не стал журить подчиненного. Дима сел за телефон, готовясь засыпать коллег запросами, а я углубился в изучение открытой информации в сети. Под монотонный бубнеж и стук клавиш, да под плеск моего ирландского чуда, приблизилась полночь. Мы уже порядком опьянели, прикончив вторую бутылку и были готовы, наконец, к подведению предварительных итогов. Итак. Дед Матвей наш распрощался с жизнью на семьдесят седьмом году жизни. Документов у него никогда не было – появился он в Большой Руке ещё подростком в середине шестидесятых, да так и остался здесь отшельником – на краю деревни. Ни родственников, ни друзей у него было, за исключением одной Галины – дочери, но как выяснилось, и та была приемной. Она также не имела документов, ни на каких учетах не стояла. Ни родственной, ни юридической связи между ними не было, но они жили под одной крышей, оба были нелюдимы. Ни мобильных телефонов, ни другой техники в доме не нашли. В библиотеке обнаружилось несколько книг по истории религий, по психологии и психиатрии, а также целая коллекция научной фантастики о путешествиях во времени. В общем не существовало на бумаге ни Матвея покойничка, ни его пропавшей дочери. Только в такой глуши можно вот так спокойно оставаться неви-

димками, будучи у всех на виду. Всплыл, однако, в биографии Матвея один важный для дела факт – судимость. Соловьев нарыл интересный материал – старик провёл в тюрьме полгода по статье 209 УК РСФСР «угроза убийством». Было это тридцать лет назад, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. Самому Матвею тогда было сорок шесть лет. Угрозы сыпались из его уст в адрес семьи из Большой Руки – неким Афанасенковым. Как стало известно из материалов дела, людьми они были набожными, сдержанными, совершенно обыкновенными и ничем не примечательными. Приехали в Большую Руку в тысяча девятьсот восемьдесят шестом и усыновили ребёнка из приюта «Лазурный Сад». Привожу выдержку из материалов уголовного дела, которые дают некую характеристику деда Матвея. «Он ходил к нам почти каждый день. Стучал в двери, вламывался в дом, даже разбивал окна. Сначала мы подумали, что этот Матвей просто умалишенный (тут таких в округе предостаточно), но потом нам стало по-настоящему страшно. Он буквально нас преследовал. Он повторял одну и ту же фразу, все время: Вы должны уехать отсюда. Из Большой Руки. Уехать и никогда не возвращаться. Поменяйте фамилии, спрячьтесь и, возможно, вам удастся спасти вашего ребёнка». Показания Ларисы Афанасенковой от 12 апреля 1988 года. Семья в итоге уехала в Екатеринбург, а Матвей вышел из тюрьмы через полгода и с тех пор больше никогда не фигурировал в уголовных сводках. Из деревенских с дедом изредка общался

лишь Гном, да и того он всячески сторонился.

Далее нам предстояло разобраться с доской для фотографий. Дмитрий распечатал пересланные с моего смартфона фотографии каждую по отдельности и развесил листы на свободной стене. Мы поместили восьмую фотографию, на которой была изображена девочка Таня, пропавшая несколько дней назад. Остальных детей идентифицировать не удалось и мы подготовились посетить приют, вооружившись данными фото для опознания, а также отправили все фотографии на опознание в центр и разослали запросы во всевозможные органы, в том числе и социальные. Опознать детей на фотографиях представлялось мне лишь делом времени.

Сложнее всего дела обстояли с пометками, сделанными возле фотографий. Цифры над фотографиями имели шаг в десятку, то есть – 48, 58, 68 и так далее. Что это могло быть? Адреса, годы, какие-то порядковые номера? Неизвестно. Сразу под фотографиями виднелись аббревиатуры или сокращения из двух заглавных букв – ИН, ЛО, СО... Здесь тоже был тупик – Матвей зашифровал свои записи похлеще заправского ГРУшника. Ещё ниже были обозначения – БР и МР, причём БР всегда сопровождало фотографию девочки, а МР – мальчика. Тут хотя бы была какая-то закономерность. Итак, системность прослеживалась в чередовании пола ребенка, который соответствовал значению БР или МР, а так же в последовательности двузначных цифр над фотографиями. Остальные данные больше походили на спонтанные

наборы символов, разобраться в которых без расшифровки не представлялось возможным на данном этапе.

К трём часам ночи у нас выстроилось несколько версий. За основную мы взяли следующую. Дед Матвей связан с похищением Тани Шелеповой, а быть может и других детей, представленных на фото. Его образ жизни и прошлое говорили о явных отклонениях в психике. Матвей был помешан на безопасности – этот вывод мы сделали по оснащению его жилища и отношению к окружающим его людям. Возможно, он был педофилом и маньяком, но доказательств данных фактов у нас пока не было. Открытыми оставались пять явных вопросов: куда делась его собственная дочь – Галя? Какую роль в этой истории играет таинственная седовласка без памяти? Кто остальные дети на фотографиях? Где все-таки Таня Шелепова? И кому понадобилось убивать самого Матвея, да ещё и таким изощренным способом?

Галю сразу объявили в розыск. Назавтра мы назначили несколько важных мероприятий. Первое – посетить детский приют «Лазурный Сад» с целью выяснить личность хотя бы кого-то из детей на фото. Второе – провести допрос семьи Афанасенковых путём онлайн конференции. Третье – дождаться результатов экспертизы из Екатеринбурга. Четвёртое – попытаться выяснить, кто же такая эта таинственная седовласка и это я намеревался выяснить в первую очередь.

Я покинул участок ближе к четырём утра, когда небо ещё было чёрным, а заря только намеревалась появиться на го-

ризонте. Пошатываясь от выпитого, я завалился в Волгу и шлёпнул Ивана по плечу. Он дрогнул, пробудившись ото сна, и тронулся. Выглядел он как всегда опрятно, свежо, несмотря на часы томительного ночного ожидания. Из таких как он получаются отличные служаки и горе тем кадровикам, которые прошляпили столь дисциплинированного падавана.

– Ты здесь родился? – спросил я у Ивана, пока мы ехали.

– Да, в Большой Руке, – ответил он, кивнув.

– Семья?

– Батя спился, мать – старушка больная. Ухаживаю за ней дома. Еще девушка есть в Екатеринбурге... Свадьбу играть собираемся в следующем году.

– А почему не в тридцать восьмом?

– Простите?

– Это шутка была, Ваня. Чего тянуть целый год-то?

– А, – он хлопнул себя по лбу, зарделся. – Смешная шутка. Правда. Да мы деньги собираем на свадьбу. Сейчас дорого все – вот и копим. Она у меня в «Сбербанке» работает, восемнадцать тысяч получает. По выходным, когда мы не видимся, в «Магните» подрабатывает. Мы ведь в Питер хотим дней на пять съездить после свадьбы, Оленька моя всю жизнь мечтала побывать там.

– Счастливые вы люди... – задумчиво проговорил я, глядя в ночную тьму.

– Это тоже шутка?

– Нет, это мысли вслух, Ваня. Ты не отвлекайся, рули.

Через десять минут я был на горе, в своём арендованном поместье. Агап и Мария, конечно спали, и я ничуть не винил своих крепостных за отсутствие фанфар, полагавшихся господину по возвращении. На ходу я сбросил с себя пропахшие потом и дымом вещи, стремясь поскорее очутиться в постели. Поднялся по лестнице и ввалился в свою опочивальню. Но стоило мне зажечь свет, как я остолбенел от увиденного и весь мой сон вмиг куда-то испарился. На моей кровати (на моей!) спала седовласка! В своём бесформенном желтом плаще, с засаленными белоснежными волосами, в сапогах! Эта бестия не удосужилась даже раздеться! Снять эти грязные сапоги, подошва которых явно повидала не меньше моих крокодиловых туфель. Комната пропиталась едким запахом, какой обычно витает вокруг стариков и бомжей. Я сжал кулаки, зубы от злости скрипнули и единственное, что сдерживало меня в тот момент от атаки – был внезапный приступ паралича, вызванного негодованием. Я весь кипел, ведь все, чего я желал в пол пятого утра, в этот убогий день, это завалиться на свою перину и уснуть мертвецким сном. Во мне бурлил виски, во мне кричал возмущённый граф и негодовал педант, личное пространство которого, его самая наивысшая ценность, было нарушено черт знает кем. Возмущению моему не было предела и я приблизился к кровати с четкими намерениями схватить эту наглую бомжиху и выкинуть прочь. Выкинуть ее на улицу и пусть идёт куда хочет эта умалишённая. Выбросить матрас и все белье, сжечь эту

кровать, продезинфицировать комнату, а потом как следуют наказать Марию, бабу, которая подселила ее ко мне в комнату. Неужели, она думала, что я привёл ее в дом в качестве женщины? О, был бы я христианином, воззвал бы к Иисусу! За что мне это? За что ты, падла этакая, посылаешь ко мне столь тупых людей? Я стоял над ней с красными щеками, а ногти впивались в ладони и зубы скрипели так дико, что я бы мог скрипом тем разбудить полуглухих стариков на первом этаже. А она просто лежала на боку, подперев щеки руками и тихо сопела без задних ног. Но вдруг вся эта зверская мреть во мне стихла. Как будто накатила последняя волна, а затем тучи рассеялись и наступил штиль. Не знаю, что это случилось, но я посмотрел на эту лежащую бедолагу по-иному. Кто знает, что выпало на ее долю? Она и не старая совсем, а уже седая вся. Имени своего не знает, да и на на алкашку не похожа вовсе. Эти мысли напугали меня, напугали всерьёз, ибо лишь слабый человек способен мыслить в подобном русле, жалея всяких убогих и юродивых. Нет, нет места в твоём характере, граф Лихачевский, подобным сантиментам. Я вздохнул, спустился вниз, на кухню и достал из холодильника очередную бутылку виски, размышляя о кульбитах, что вытворял мой мозг. Эта ночь была темнее прочих, по крайней мере, мне так казалось. В одних трусах я поплёлся на веранду, устроился в кресле с пледом, налил себе стакан и устался туда, где начало вставать солнце.

## Запись 5

28 июля 2018 года

Той странной ночью я не сомкнул глаз. Все думал, сидя в кресле. Вспомнил почему-то свой разговор с отцом, когда мне было лет пятнадцать. Уже к тому возрасту я стал холодным, безразличным к окружающему миру снобом. Едим, как кислота из пасти Чужого, колким и смотрящим на каждого свысока. Обилие денег, благодаря которым я мог решить любую трудность, сделало из меня бронебойный таран, который не знал на своем пути преград. По сути, мальчишка, еще ребенок, но уже непрошибаемый, будто гранит. Это был результат моего взаимодействия с окружающим миром, и ничего более безопасного в этой вечной скотобойне, чем выстроить огромную стену, я найти так и не сумел. Таких людей в детстве обычно бьют. Да и в любом возрасте подобное поведение является причиной телесных травм, но мне всегда удавалось виртуозно маневрировать в потоке среди быдла и хамства и оставаться невредимым. Отец как-то сказал мне:

– Илларион, мне кажется, что из тебя растет что-то ужасное.

Фразу эту он отпустил после того, как я одним прекрасным летом обнюхался порошка, который нашел в записке у мамы. Ее к тому времени уже как шесть лет не было в живых, но на даче, где мы обычно проводили время летом, я на-

брел на ее нетронутый косметический шкаф, который и одарил меня целым пакетом белого счастья. Так призрак мамки продолжал издеваться надо мной, назло черственеющему отцу. Он тогда побил меня. Первый и последний раз в жизни. Вообще притронулся ко мне впервые за долгое время, как будто я прокаженным был. Но бил он меня не от злобы и негодования, бил, потому что об этом узнал кто-то из его партнеров или товарищей. Это надо ж! Сынулька олигарха, да в пятнадцать-то лет и на коксе сидит. Ну дела! Лупил меня батя знатно. Он был здоровым сибирским мужиком, с тяжелыми волосатыми ручищами, и каждый удар по заднице звонко отстукивал в моей задурманенной голове. Я не злился на него за это. Даже напротив, я, быть может, впервые в жизни почувствовал, что кому-то не безразличен. Первые попытки воспитания нерадивого отпрыска. Почти как у всех, да только поздно. На этом воспитание закончилось. Навсегда. Сибирский мужик снова отчалил на север, а я – в благодатный Париж к вежливым прохожим, дорогому парфюму и мурлыкающим девицам из кабаре. Тот день я запомнил надолго и вспоминаю его частенько, раньше – как горестные моменты отцовского безразличия. А в возрасте постарше думаю об этом, чтобы разобраться в самом себе, проанализировать свои поведенческие модели, мотивы принятия решений и отпечатки, которые остались не только на моей заднице, но и в голове.

Так и сидел я на веранде до самого утра, пока Мария и

Агап не пробудились с первыми петухами. Ближе к семи я заглотнул пару спасительных таблеток, позволяющих не спать еще сутки, и продолжил делать записи в свой дневник. Гарик, мой друг, прислал мне имейл, в котором рассказал, как чудесно проводит время в Каннах. Яхта, девки, свежий бриз, приятное журчание французской речи и самые расчудесные блага, какими только может побаловать себя человек, не обделенный деньгами. Ах, здесь, в этом гибридном клоповнике, особенно начинаешь ценить те чудные деньки под мягким леринским солнцем, когда лица, а не рожи, когда манеры, а не инстинкты. Я допил виски и со всего размаху забросил пустой бутылку куда-то за забор, где располагался хозяйский зверинец. Послышался дикий визг, а затем удаляющийся шорох. Я добавил в свой ежедневник новую запись: «Оплатить бабке ущерб за травму курицы или индюка».

На визг вышла и сама Мария, ойкнула, увидев меня полуголого, и застыла в проходе, не ожидая встретиться со мной в подобной обстановке. Думала, что я все еще сплю.

– Завтрак, мадам, – величественно произнес я, подкручивая сигару. Я стоял в белоснежных трусах, носки натянуты до максимума, а на ногах – туфли. Было прохладно, но я не чувствовал холода, ибо его дезавуировали препараты и алкоголь. Настроение порядком улучшилось – то ли таблетки подействовали, то ли ведение дневника так чудесно влияло на моральное самочувствие. Раскладывать свою жизнь по полочкам, а потом читать собственные мысли – весьма непло-

хое занятие для разгона тоски. – Да побыстрее. И разбудите мою гостью, уже начало восьмого!

– Илларион Федорович, простите, я не знала, что вы уже... – бабка кланялась, заикаясь.

– Прощаю. Накройте на две персоны, я пока приму душ, – я затушил сигару. – И, кстати, почему эта женщина оказалась в моей постели, да еще немытая? Вы слышали, как от нее несет?

– Илларион Федорович, – Мария качала головой, – особа попалась строптивая. Отказалась спать где-либо, мыться и есть тоже отказалась. Вела себя странно, как будто дикарка какая-то. Дергается постоянно, ни обратиться к себе, ни прикоснуться не позволяет. Я уж и не знаю, как себя вести с ней... Она ведь ваша гостья, а я тут...

– Значит, так, – я приблизился настолько, что впервые узрел все мелкие морщины на лице бабули. Ее маленькие затуманенные старостью глаза мигали бесперебойно, изо рта пахло то ли луком, то ли квасом, не разобрать. Она была низенькой старушкой, мне по грудь, и я взглянул на нее с высоты своего роста, проговорив со всей серьезностью: – Мне рекомендовали вашу семью как ответственную и порядочную. Я здесь второй день, а уже изрядно потрепал себе нервы исключительно по вашей вине, – бабка начала дрожать и пятиться. – Я обозначал приоритеты, рассказывал правила, объяснял особенности. Разжевал все как следует, уповая на деревенскую память. И что я получил? Я получил вонючую

бродяжку в своей кровати! И вы еще говорите, что не знаете, как себя вести? Застрелить ее к ебаной матери, строптивую такую! И выкинуть за забор, все равно полиция у вас хреново работает!

Я развернулся и прошелся по террасе, убрав руки за спину. Признаться, я не гневался особо, а лишь решил раз и навсегда расставить приоритеты и обозначить серьезность собственной персоны. Настроение мое, скорее, было игривым, нежели гневным, но если бы Мария попалась мне под руку в момент, когда я вошел в свою комнату рано утром... Бабка вся дрожала, была бледной и вот-вот готова была упасть без сознания. Я снова к ней приблизился, положил руку на хрупкое плечо и проговорил уже более мягким тоном:

– Больше не допускайте таких ошибок, Мария. А теперь, извините, мне нужно принять ванну и подготовиться к завтраку.

Через полчаса я, благоухающий, был за столом. Седовласка уже сидела на веранде, но к пище не притронулась. Не удосужившись снять хотя бы свой тошнотный желтый плащ, она поникшим взглядом тупо пялилась перед собой, казалось, даже не заметив моего появления, что меня особенно задело. Облаченный в изумрудный шлафрок, доставшийся мне на одном из немецких аукционов, я уселся напротив, уложил на колени салфетку и поздоровался.

– Доброе утро, – кротко кивнула она, но на меня так и не взглянула. Она была бледной, скованной, как будто и не

живая вовсе.

– Приглашаю разделить завтрак, – накладывая себе в тарелку омлет, вымолвил я. Предложение мое осталось без ответа.

Я забросил в тарелку свежих томатов, пару ломтиков бекона и два куска горячего хлеба. Откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и какое-то время смотрел на эту странную гостью, изучая ее внешность.

Чумазая, с синими кругами под огромными зелеными глазами. Серые волосы растрепаны, частично закрывают лицо. Как будто бы безжизненная, она сидела напротив меня, давая всем своим видом понять – ее не волнует ничего вокруг. И еще этот гребаный желтый плащ!

– Сейчас мы поговорим, чтобы раз и навсегда избавиться от недопонимания, – наконец вымолвил я, чувствуя, как остывает мое яство. – Я хочу, чтобы ты внимательно меня слушала, отвечала на вопросы с первого раза и задавала вопросы мне, если тебе нужно что-то узнать. Меня зовут Илларион Федорович Лихачевский, как зовут тебя?

– Я не знаю.

– Давай, чтобы облегчить коммуникацию, мы придумаем тебе временное имя, – предложил я. – Была в моей биографии одна женщина, имя которой навсегда отпечаталось у меня в памяти, оставляя приятный шлейф при каждом упоминании. Чтобы загладить этим приятным шлейфом все твои недостатки в виде мерзкого запаха и дикого поведения, пред-

лагаю именовать тебя Матильдой.

Она насупилась и впервые за все время взглянула на меня, как будто даже с интересом. Улучшения на лицо.

– Матильда? – переспросила она.

– Матильда, Матильда, – кивнул я, не оставляя шансов на возражение.

– Она была вашей возлюбленной?

– Она была проституткой. Но чертовски хорошей.

Седовласка зарделась и опустила взор, то ли оскорбленная, то ли просто обескураженная. Но мне до ее оскорбленности дела не было. Мне нужно было извлекать пользу, уравновешивающую все претерпеваемые мной неудобства, связанные с пребыванием седовласки в моем поле зрения.

– Значит, так, Матильда, – продолжил диалог я. – Сейчас у нас состоится разговор, который определит твою судьбу на ближайшее время, поэтому он очень важен в первую очередь для тебя. Я не знаю, откуда ты тут взялась и кто ты такая, но ты можешь помочь в нашем расследовании, и это дает тебе весомые привилегии. Для того чтобы я не вышвырнул тебя на улицу прямо сейчас, а там тебя никто не ждет, нужно следовать всего двум правилам. Правило первое – ты будешь помогать нам по мере своих сил и возможностей, будешь стараться вспомнить что-то из своего прошлого и всячески способствовать нам в продвижении в расследовании. В этот пункт я также включаю требование коммуницировать как человек разумный, а не как животное. Здесь тебе ниче-

го не угрожает, никто не хочет тебе навредить, так что расслабься и давай уже начнем вести себя как взрослые цивилизованные люди. Правило второе – если хочешь жить под этой крышей, а не на улице, нужно за собой ухаживать. Я не собираюсь делить дом с человеком, от которого несет, словно от псины. Помывка каждый день. Смена одежды каждый день. Прием пищи каждый день. Отдых в отдельной комнате, не в моей! – я смерил ее злобным взглядом. Она опустила вниз огромные зеленые глаза. – Всем необходимым для соблюдения гигиены я тебя обеспечу. Вот и все, что от тебя требуется. Многие отдали бы за это все, от тебя же требуется просто быть человеком. Уяснила?

– Мне страшно, – был ее ответ.

– Страшно от чего? Я что, похож на маньяка? Или я тебя как-то обидел? Чего ты боишься, если даже не помнишь ни хрена?

– Этого и боюсь, – кивнула она. – Я не знаю ничего о себе, не знаю, кто я такая, как будто я маленькая девочка. Дурное предчувствие не оставляет меня, в голове мелькают какие-то образы, но я ничего не могу разобрать. Я не знаю, что мне делать, – в глазах ее показались слезы.

– Стоп! – выкрикнул я, и она дрогнула. – Слез я не переносу. Как-то раз я треснул по затылку мальчика, который разнылся у меня на глазах из-за того, что мамаша не купила ему киндер. Потом мне пришлось отдать этой истеричке круглую сумму, чтобы не доводить дело до суда, но оно того

стоило. Могу повторить, если потребуется. Мы будем решать все проблемы на уровне цивилизованного взаимодействия, исключая эмоциональные всплески. Сейчас же утри слезы и начинай есть. Иначе так и помрешь с голоду.

Она всхлипнула и замерла.

– Быстро! – выкрикнул я. Матильда дрогнула, схватила вилку и тут же приступила к трапезе.

К десяти утра я был полностью готов. Надел новый итальянский костюм, еще не ношенный, побрился и причесался, укомплектовал свой походный чемодан. Дал напутствия Марии в отношении Матильды, заново приказал привести ее в порядок, а сам отправился в участок. Иван ждал меня у дома, и если я свой организм подпитывал различными секретными препаратами, чтобы оставаться в бодрости духа и в здравом уме, то у этого парня точно были свои секреты, ибо он снова был бодр и свеж, как будто не было вчерашней бессонной ночи.

– Вот список, – закончив черкать на клочке бумаги, сказал я и передал его вознице. – Позвони Артему в Екатеринбург, пускай в довесок купит и это. Напомни, что я жду его сегодня к вечеру.

Иван мельком пробежал по списку, бросил на меня вопрошительный взгляд через зеркало заднего вида, но я оставил его недоумение без ответа. Должно быть, его смутили пункты вроде бритвы для интимной гигиены, прокладок, женского нижнего белья и так далее по списку. Что ж, женщина не

перестает быть женщиной, даже лишившись рассудка, и раз уж о Матильде на время моего пребывания в Большой Руке некому позаботиться, пускай это буду я. Интеллигенция всегда имеет потребность в благотворительности. Билл Гейтс борется с малярией, я же помогу этой бедолаге освоиться в новом для нее мире, ведь она в нынешнем своем состоянии ничем не отличается от ребенка.

– Тебе машина от бати досталась? – спросил я у Ивана, рассматривая салон. Меня удивляло, что каждый раз его «Волга» выглядела как новая – блестящая и чистая, двигатель не барахлит, коробка не хрустит, а «Волге»-то было лет сорок, не меньше.

– Это не моя машина, – пожал плечами он, взбодрившись от проявленного к своей персоне интереса. – Она принадлежит Общине.

– Какой еще общине?

– Ну, монастырской нашей, – пояснил он. – Общине Веры и Согласия. Я вообще водителем у главы церкви работаю, у отца Янссена. Сейчас он в отъезде, вот я и подрабатываю в его отсутствие, вас вожу. Сидел без дела, пока Артем из Екатеринбурга не позвонил, шабашку мне предложил. А мне что? Я лишь бы не бездельничать. А потом он как про оплату сказал, так я и вообще обрадовался. Зубы давно хотел сделать к свадьбе, а денег все не хватало. Так, глядишь, к сентябрю все и сделаю.

– Значит, ты, Иванушка, приближенный к императорско-

му трону... – задумчиво проговорил я.

– Простите?

– Куда уехал ваш папа?

– Эм, кажется, в Бангкок.

– Чего это он там забыл, в дали такой?

– Да он по два раза в год ездит туда, форумы проводит, семинарии какие-то. Там многие религиозные общины собираются. Я в подробности не вдаюсь, да и куда мне...

– И когда же он обратно, в Россиюшку возвращается?

– Никто не знает, – Иван пожал плечами. – Но его уже давно нет, скоро должен воротиться, стало быть. За него тут епископ Барталомей все дела решает, это его правая рука.

– Вот как воротится, так мне обязательно доложи, чтобы графики развозов согласовать.

– Так он меня вряд ли отпускать будет вас возить, – сказал с досадой Ваня. – Отец Янссен строг очень, требователен. Артем говорил, что нового водителя вам подберет, когда будет известно о возвращении. Я думал, вы знаете, Илларион Федорович.

– Мой милый мальчик, – вздохнул я и положил руку ему на плечо, чувствуя, как тело его напряглось. – Твой трепет перед вашим папой – это лишь младенческий пук по сравнению с тем, что тебя ждет в случае, если в негодование приду я.

В участке вовсю бурлила работа – разваленное старое здание наполняла суета и трескотня. Служивым людям не дано

познать такого чувства, как свобода, и это, по-моему, вполне справедливо. По крайней мере, для России. Правильно, когда их поджилки дрожат при разъяренном голосе вышестоящего начальника. Правильно, когда из статного молодца офицер превращается в сторбленного лизоблюда, полирующего задницу генерала в его солнечном просторном кабинете. И, конечно же, правильно, что в любой служивой иерархии одни вымещают все свои комплексы на других. Это правильно, потому что, ступая на этот путь, служивый расписывается на бумажке своего собственного приговора, который сделает из него винтик в плешивой системе, созданной для службы, но на деле выполняющей самые разные мерзкие функции, и зачастую служба эта не входит и в первую десятку данного списка. Мне не было жалко этих людей, которые с раннего утра на службе, хотя домой вчера они ушли далеко после полуночи. Это достойная плата за погоны и титулы, которые издревле на Руси считались привилегированным атрибутом.

Но мое отвращение к псам системы как будто пошатнулось, ведь я впервые в жизни вступил в столь плотное общение с представителями данной прослойки общества, и общение это в каком-то роде не всякий раз вызывало у меня рвотные порывы. Всему виной, как я понял, был провинциальный дух, не позволяющий всяким капитанам окончательно превратиться в упырей, коими заполнены большие города. Деревенские служаки (это, кстати, относится и к представи-

телям церкви) были лишь наполовину мутантами, наполовину прокаженными системой, и с той половиной, которая еще не утратила человеческих черт, коммуницировать мне даже иногда весьма импонировало. К чему я это? Пускай на Соловьеве и на его шестерке Димке уже давно стоит клеймо и клеймо это не смыть никаким отбеливателем, чувство мерзости эти люди у меня не вызывали, иной раз даже поднимая со дна моей потерянной души какие-то светлые чувства. А это уже многое значило.

Капитан курил в кабинете, Дмитрий сидел на телефоне. Я вошел в царство четырех звездочек бодрой походкой, поддерживаемой нидерландскими препаратами.

– Новости! – взмахнув рукой, выкрикнул я при входе.

– Доброе утро, Илларион Федорович, – затушив сигарету, поприветствовал меня кэп – унылый и не выспавшийся.

– Доброе утро, Илларион Федорович, – продублировал его помощник-телефонист.

– Новостей немного, – вздохнув, сказал начальник. – Эксперты уже прислали заключение о смерти. Работали всю ночь. Смерть деда Матвея наступила в результате отравления каким-то сильным химическим препаратом. Примерная дата смерти – двенадцатое-семнадцатое июля, то есть в доме он мог пролежать целую неделю. Но это еще не все. Вскрытие показало, что у него был вырезан желудок, полностью. Вырезали его, скорее всего, еще при жизни, но дед не был в сознании, иначе были бы видны следы борьбы и внешних по-

вреждений. Его били – ребра сломаны, есть следы ударов на голове, но это случилось задолго до смерти. Из чего следует вывод, что убитый был под сильнодействующим снотворным или даже под анестезией, когда у него вырезали желудок. Вместо собственного желудка Матвею вшили чужой... Скорее всего, свиной.

– Желудок свиньи? – переспросил я, делая пометки.

– Точно не ясно, но большая вероятность, что у него внутри был именно свиной желудок.

– Значит, все-таки мы имеем дело с ритуальным убийством. На запястье его также обнаружено клеймо свиньи. Здесь, возможно, есть связь.

– По поводу клейма... – Соловьев углубился в свои документы, под грузом которых едва стоял стол. – В заключении говорится, что клеймо было сделано задолго до смерти.

– Насколько задолго?

– За много лет, скорее всего.

– Этому есть подтверждение?

– Мы вызывали утром Гнома, и он, как человек, который изредка общался с покойным, подтвердил, что и раньше видел на его запястье данное клеймо. Есть основания этому верить – память у нашего юродивого завидная. Он даже спрашивал старика пару раз, что это такое. На что дед Матвей ответил ему, цитата: «А ты, дурак, куда шел, туда и иди. Нечего тебе тут вынюхивать», – капитан оторвал взгляд от бумаг.

– Эй, телефонист, – я обратился к Дмитрию, тот поднял на

меня усталый взор, слушая что-то в трубке и кивая. Я приблизился и сбросил вызов.

– Это морг Екатеринбург! – возмутился он. – Мы ищем пропавшую дочь старика! Галину.

– Заканчивай этот цирк, она найдется и без тебя, – командовал я. – Дай клич по деревне – пропадала ли у кого-то из крестьян свинья. Мне нужен список всех хозяйств, кто содержит свиней, даже если в загоне трется один единственный старый хряк. Если свинью не крали, она не сбегала, возможно, кто-то врет. На допросе мы это выясним. И доктора местного сюда вызвать. Если делали анестезию, он может что-то знать.

Дмитрий с вопросом покосился на шефа. Шеф развел руками и кивнул.

– Во сколько допрос Афанасенковых? – осведомился я.

– В пятнадцать часов, Илларион Федорович.

– Тогда мы еще успеем посетить «Лазурный Сад». По коням!

Дмитрий остался в офисе, а мы с начальником поехали в детский приют на его служебном «Бобике». Соловьев был мрачен, необщителен. Я знал, что вся эта ситуация не даст ему покоя. Также я знал, что персона вроде меня была в Большой Руке, что жирный слепень на жопе у коровы. Прихлопнуть не получается, хвост короткий, но и терпеть невозможно.

– И как это вам, Илларион Федорович, всегда удается в

бодром духе себя держать? – вдруг спросил Соловьев. – Я вот с перепоя вчерашнего в себя прийти не могу до сих пор. Голова трещит, во рту как будто помочился кто-то, да еще и вся эта суета... Не выдержу как-нибудь, делов натворю...

– А ты выпей, капитан, – я протянул ему чудотворную розовую пилюлю на ладошке. – И пройдут твои месячные. Сразу.

– Что это? – Виктор отшатнулся как будто от огня. – Наркотики, что ль, какие? Не, я не по той части.

– Медицина называется, у вас о таком здесь не слышали. Пей, не бойся. Травить не буду. Через десять минут будешь огурцом.

Он снова покосился на меня с недоверием, аккуратно взял таблетку и закинул ее в рот.

– Ты знаешь Ивана, водителя? – спросил я между делом.

– Ваньку-то? Знаю, конечно. Толковый парень.

– Он работает на вашего папу местного. Янсена этого.

– Да. А что в этом криминального? Тут почти вся деревня на него работает, я уже упоминал об этом раньше. Община выделила добровольцев на поиски Тани. Кто же, вы думаете, по лесам шерстит целыми днями, пока мы тут с вами следствием занимаемся? Всеволод, кузнец наш, на себя руководство операцией взял... Он тоже в Общине работает. Никто им за это не платит, прошу заметить. Все на добровольных основах.

– Я это к тому, что к папе не подступиться, у него тут все

схвачено, фактически он и есть глава Большой Руки, да и Малой Руки тоже. Монастырь этот ведь на перепутье стоит. Убийство ритуальное – прослеживается религиозный символизм. Нужно прошерстить этих анабаптистов на предмет. Думается мне, что ниточки тянутся в ту сторону.

– Пока отец Янссен не вернется, вряд ли получится, – развел руками Соловьев, сильно напрягшись. – Да и не верю я в это...

– Тебя верить никто не заставляет. Это следствие, тут вера, знаешь ли, дело лишнее. Тебе версии надо отработать и план мероприятий выстроить.

– Да знаю, знаю... Только как все это успеть?

– Я твоей помощи и не прошу, – понизил я голос. – Все, что касается Общины вашей, сам сделаю, раз уж вы все так сильно боитесь приближаться к ней. Ты не мешай только, капитан. И не вздумай на две стороны играть. Если мы с тобой в связке, значит, так и должно быть. А если решишь переметнуться, то знай – сделаю все, чтобы впоследствии жизнь твоя стала кислой, как утренняя блевотина. И никакая вера тебе не поможет.

– Можно было и без угроз, Илларион Федорович, – обиженно проговорил мент.

– Можно было, но нельзя.

– А вы вот сами веруете?

– Я что, похож на того, кто верует? – прыснул я.

– Ну, я вот, например, не знаком с неверующими. У нас та-

ких нет на деревне. Все по православному календарю живут. Всею деревней крестим, венчаем, Пасху и Рождество празднуем. Это ведь родителями закладывается с детства. Меня, например, мать с малых лет в церковь водила.

– Моя мать предпочитала убегать из этого мира иными способами, – задумчиво проговорил я.

– А где ваши родители?

– Мертвы. Оба.

– Простите, сочувствую.

– Сочувствовать нет смысла, потому что мать была наркоманкой, шлюхой и эгоисткой. А батя... Батю я просто почти не знал. Но от него осталось приятное послевкусие в виде миллиарда долларов, так что соблезнования в данном случае неуместны. Поздравления куда актуальней. Ну, а твои набожные родители, Соловьев, где?

– Живы, слава богу, – кивнул капитан. – Матери восемьдесят два, отцу под девяносто. Они с нами живут, старые совсем, уход требуется.

Детский дом номер 33-12 носил имя «Лазурный Сад». Это было старое советское здание, построенное в двадцатые годы на пригорке в паре километров к северо-востоку от Большой Руки. С пригорка того открывался панорамный обзор на саму деревню, по правую руку виднелся дурдом, черным обелиском прорезая летнее безоблачное небо, а вдалеке слева я узрел древние очертания исполинского монастыря, принадлежавшего Общине Веры и Согласия. «Лазурный Сад» напо-

минал колхоз – всюду бродил скот, имелись коровники, курятники, свинарники, здесь выращивали кукурузу и гречиху в теплицах. Растянутое по горизонтали одноэтажное здание несколько раз реставрировали, и теперь оно представляло собой наглядный срез эпох и поколений – левое крыло было деревянным (так строили еще при царе-батюшке), центральный вход и фасад – побелены известью (советская школа), правая часть – перестроена из красного кирпича (жирные двухтысячные годы). Мы проехали на территорию учреждения, миновав КПП, где дежурили аж три охранника. По дороге нам встречались детские группы – малолетки играли на площадке, копошились в песочнице, катались на качелях, гонялись друг за другом; дети лет шести-десяти занимались в классах, вид на которые открывался через большие окна здания. В общем, у меня сложилось впечатление, что учреждение это было идеально образцовым, в лучших традициях советско-православной школы, где воспитывали идеальный скот, готовый покорять мир «Макдональдса» и «ИКЕИ».

Я навел справки об этом месте, и выяснилось, что приют перенесли в это здание в сорок втором году, в разгар войны. Сюда перебросили все детские дома Свердловской области, подальше от боевых действий, чтобы якобы уберечь сирот от случайного попадания бомбы или чего хуже – прямого вторжения. После войны приют так и оставили здесь, полный детей, а уже намного после сюда стали переправлять сирот из Екатеринбургских переполненных домов. С бюджетиро-

ванием всегда были проблемы, поэтому многие вопросы решались на скаку – крестьяне брали себе детей в хозяйство без особых проверок, избегая бумажной волокиты. Взамен предоставляли что-то для приюта – кто провизию, кто скот, кто работами поможет – кровлю сделает или снег зимой почистит. Так и жили.

Мы прибыли на место. Соловьев вооружился необходимым для допроса, я захватил с собой рабочий чемодан, и мы проследовали напрямик к кабинету директора. Руководила приютом некая Лидия Вальдемаровна Михалкова, пятидесяти с лишним лет от роду. Тучная женщина на добрых девяносто килограммов веса, с гулькой черных волос на макушке, в мелких очках на носу и с тремя золотыми зубами во рту. Этаким пережиток прошлой эпохи, которую никак не могут забыть эти бедолаги, не сумевшие удержать от краха свою «великую» державу и теперь по ночам мастурбирующие на то, какие же прекрасные все-таки были времена. Это была в меру ответственная особа, закованная в рамки внутренних регламентов и уставов, без особой инициативы, но бодрая и всегда готовая к работе, если это действительно надо. Вальдемаровна пользовалась авторитетом в деревне, к детям относилась с любовью и строгостью. Была в разводе, поглощенная всецело работой.

Кабинет директора был также с душком тоталитаризма – книги Маркса на полках, пара старых желтых телефонов на шатающемся столе, никакого компьютера – вместо него ку-

ча исписанной макулатуры и деревянные счеты. Линолеум в углах давно отошел, плесень покоряла стены, но напротив окна суперклеем был навеки приклеен портрет вождя, пускай больше и не советского народа. Челобитный народ! Коленопреклоненный.

– Виктор Иванович, – приветственно кивнула Лидия Вальдемаровна и с любопытством посмотрела на меня, прищурившись. Коммунистический взгляд наткнулся на стену буржуазного стоицизма, и нам обоим стало худо, как будто мы вторглись в миры друг друга. Непереносимые, мерзкие миры. Она была облачена в серый безликий наряд – юбку и пиджак, губы ее, как и у многих одиноких дам, были сильно напозажены, а глаза – прищуренными в подозрении, выдающими готовность к какой-нибудь подставе или пакости.

– Это – Илларион Федорович Лихачевский, – представил меня начальник. – Он прибыл сюда в качестве журналиста питерского издания и активно помогает нам в расследовании. Попрошу любить и жаловать.

– Наслышана, – кивнула дама, щурясь. – И как успехи? В расследовании.

– Движемся в правильном направлении, – ответил капитан и уселся напротив директора, утерев лоб платком. Мой препарат уже давно на него подействовал, и теперь вместо вялости и апатии я наблюдал нового Соловьева – готового к бою из любого положения. Я прошелся по кабинету, внимательно изучая убранство, и ощутил на себе едкий прожигатель.

ющий взор этой красной фурии.

– Что ж, – она присела за стол, грузно плюхнувшись своей разбухшей задницей на скромный залатанный стульчик советского производства, – у нас планерка через полчаса, так что в ближайшие тридцать минут я в вашем распоряжении. Только все, что мне было известно в отношении Танечки, я уже поведала ранее, и добавить мне более нечего.

– Мы здесь не по поводу пропавшей, – сказал Соловьев. – Вчера был найден мертвым некий дед Матвей. Знали ли такого?

– Свят! – она перекрестилась. – Не припомню, – насупилась Лидия Вальдемаровна. – У нас на деревне прямо?

– Прямо у нас. Вот его фотография, – капитан пододвинул директору фото мертвого старика.

Фурия изучала фото неприлично долго, рассматривала его, щурясь в своих очках, а потом заявила с уверенностью:

– Знаю. Но мне казалось, что его звали иначе. Вроде бы как Алексей Максимович. Не уверена, что это он, но черты лица уж больно схожи.

– При каких обстоятельствах вы сталкивались?

– Это давно еще было, лет десять, может, двенадцать назад. Я тогда еще работала в Малой Руке, на почте. Почта-льон наш в то время усыновил мальчика одного – Макара. Денег у него не было, документы не оформили как следует, но Макар жил у него в Малой Руке и помогал, а числился в приюте. Подсобил прошлый директор, такое иногда прак-

тикуется, сами знаете. Но потом, через год где-то, пришел этот Алексей Максимович или Матвей, уж не знаю, как правильно, и заявил, что Макара усыновляют. Мол, забирают в приличную семью, в Америку. Тогда еще можно было. Он вроде как у них был посредником каким-то, я толком и не поняла. Представительный такой, в костюме, с дипломатом. Велел быстро собираться, размахивал документами... Через пару дней приехали американцы эти – жирные, в очках, рожки холеные такие... И забрали Макара прямо из дома. Увезли, стало быть.

– Среди этих детей есть Макар? – раскладывая на столе фотографии из погреба Матвея, спросил капитан.

Лидия Вальдемаровна тут же указала на фото темноволосого мальчика.

– Вот он, Макарушка наш. Это точно он, – директор снова перекрестилась и покачала головой.

Я заглянул в смартфон, чтобы удостовериться в последовательности. Фотография Макара была седьмая по счету. Над ней виднелись цифры 08, а под ней буквы: ЧЕ и МР.

– Лидия Вальдемаровна, – проговорил капитан, поглядывая на меня, дабы удостовериться, что я веду запись, – посмотрите внимательно на все фотографии. Вы работаете в приюте восемь лет. Может быть, узнаете кого-то из этих детей.

– Ой, ужас-то какой, – она покачала головой и уткнулась в фотографии, придерживая свои маленькие очочки.

Подолгу вглядывалась в каждую, брала в руки, внимательно изучала. Вкрадчивая была, придирчивая. Такие люди обычно и взлетают по прошествии лет навверх по лестнице различных муниципальных клоак. В данной же ситуации скрупулезность коммунистки была нам только на руку. По прошествии минут пяти она оторвалась от просмотра и сказала:

– Кроме Тани и Макара я никого здесь не узнаю.

– Точно?

– Точно, Виктор Иванович, точно.

– Как мы можем узнать судьбу Макара? – спросил Соловьев, записывая что-то в протокол допроса.

– Они выходят на связь каждый год, – ответила директор. – Семья Уилсоннов. Живут в Портленде, Штат Орегон. Макару уже шестнадцать лет, готовится к колледжу. Присылают фотографии. Могу найти, если нужно. Сам Макар иногда пишет письма – вроде как безумно счастлив там, хотя что там, в этой Америке, хорошего? Бургеры или педики? Тьфу, прости господи! Таню тоже ведь удочерить хотели. Присматривались. Она уже всем успела рассказать, что в Москву едет к новой семье. Эх, где же теперь наша девочка?

– Что за семья? И почему вы об этом не говорили раньше? – всполошился капитан.

– А разве это важно? Раз пропала она теперь. Семья приличная. Муж – адвокат какой-то, жена – нотариус. Детей не имеют, вот и нашли наш приют по рекомендации знакомых.

А точнее, им посоветовала местная одна. Уже почти все бумаги оформили, а тут Таня раз – и исчезла, – Лидия Вальдемаровна сняла очки и протерла их.

– Кто из местных посоветовал москвичам взять Таню из вашего приюта?

– Да у нас тут есть работница, Галька, – небрежно махнула рукой директор. – В столовой поварихой была. Везде нос свой совала, но готовила хорошо, по работе к ней вопросов не было. Дети ее борщ уплетали только так.

– Дочка деда Матвея? – спросил я, и бабенка дрогнула, как будто забыла, что я вообще нахожусь в комнате. – Его дочь тоже Галей зовут.

– Не знаю, чья она там дочка, – отмахнулась она. – Но говорю – готовила хорошо.

– Где она сейчас?

– Уже как неделю не выходит на связь, бестия! Но мы не удивляемся, она часто отчебучивала подобное. Странная девка, ей-богу. Управы на нее нет. Себе на уме, всех сторонилась, ни с кем толком не общалась, но всегда вынюхивала что-то, нос свой в каждую щель совала. У нас уже на замену человек вышел в столовую, а эту... Эту мы и не оформляли даже, если честно. Она без документов была, взяли так, на свой страх и риск. Детям ведь не объяснишь, почему не накрыто... Рты откроют, кушать хотят, а нас потом эти инспекции штрафуют за то, что работников не оформляем, как следует.

Мы с начальником переглянулись.

– Мне нужны контакты несостоявшихся приемных родителей Тани Шелеповой, – сказал Соловьев. – Будем проверять, может, их рук дело.

– Сделаю.

– И еще, – добавил я. Фурия снова уставилась на меня, будто на призрака. – Нам необходим список всех работников предприятия. От уборщиц до бухгалтерии.

– Если Виктор Иванович запросит... – подозрительно глядя на меня, процедила она.

– Запрашиваю, – подтвердил капитан.

– Сейчас дам, у меня есть штатное расписание, – кивнула комсомолка.

Она покопалась в документах и вытащила потрепанный листок формата А4. Передала его Соловьеву, тот сразу перенаправил бумагу мне, не удосужившись даже взглянуть. В штатном расписании было четырнадцать человек, включая и самого директора. Я быстро пробежался по фамилиям и обратился к дамочке:

– Вы говорили, что Галина работала у вас нелегально. Есть еще такие сотрудники?

Она покосилась на капитана. Беспокойство ее нарастало. Соловьев снова кивнул.

– Есть, конечно.

– Но в штатном расписании они не числятся?

– Не числятся, естественно. Это ведь бухгалтерский доку-

мент, как они будут там числиться?

– Тогда предоставьте список всех сотрудников.

– Виктор Иванович, вы же понимаете, что у нас бюджет...

– Выполняйте, Лидия Вальдемаровна, никто вас за это не накажет.

– Ну уж нет, – покачала головой фурия и скрестила руки на груди. – Кто мне потом гарантии даст, что сюда не нагрянут из центра с проверкой? Трудовая инспекция тут уже несколько лет не бывала, а уж если она придет... – директорша покосилась на меня исподлобья, – там и остальные подтянутся – и СЭС, и налоговая, и ОБЭП. А я-то знаю, как бывает в таких случаях, Виктор Иванович. Это как клубочек разматывать – одно за другое цепляется. Не подписывайте меня не это.

– Лидия Вальдемаровна, – Соловьев придвинулся к ней и грузно вздохнул. – Если клубочек разматывать начнут, тут вся деревня под откос пойдет. Стерильных тут нет, все одно дело делаем – выживаем. Так что давайте без этих вот пируэтов...

Лидия Вальдемаровна сглотнула, снова покосилась на меня и неуверенно достала второе расписание из сейфа. «Черное». Список расширился до двадцати двух человек. Я бегло пробежался по табелю. Внимание мое привлек один знакомый персонаж.

– Фома Городин, – вымолвил я. – Он числится у вас как «учитель».

– Да, числится. Он и есть учитель математики, – ответила директор. Ну, внештатный, конечно.

– Он ведь пациент психбольницы.

Соловьев опешил и уставился на Лидию Вальдемаровну с большим вопросом во взгляде. Та выпучила глаза, готовая отражать атаку.

– Ну, а кого мне брать-то? – буркнула она. – У нас и без того не хватает народу. А этот – математик от бога! Лучшего у нас никогда не было, да и не будет, наверное. Дети от него в восторге, ну, это ведь подарок для детдомовцев – высококвалифицированный учитель. Кто еще в эту дыру пойдет? Для общества он не опасен, доказано не раз. Очень интеллигентный и воспитанный молодой человек. Чем не работник?

– Который издевался над животными в особо жестокой форме, – вставил я.

– Ну, было в юности! И что же вы, такой безгрешный, тут стоите?

– Мои грехи куда страшнее, но я здоров, а он больной. Официально. И он работает у вас с детьми, которые имеют тенденцию пропадать.

– Так, – вступил в дискуссию начальник. – О моральных аспектах будем говорить потом. Илларион Федорович, у вас имеются еще вопросы?

– Имеются, конечно, – ответил я. – Но я задам их позже при необходимости. Мы уже опаздываем, и все, что нужно было сегодня, мы узнали.

Соловьев поднялся, собрал свои записи и направился к выходу. Я последовал за ним.

– Вы там хоть это... – бросила вслед директор, явно обескураженная нашим разговором, – в курсе хоть держите, что ли.

Обратно мы ехали в молчании. Я размышлял, капитан рулил – бодрый и активный после голландской терапии. Уж не знаю, способен ли он был на мозговые штурмы или же всякий раз руководствовался своими бесконечными приказами и регламентами. Но, как оказалось, встреча с красной фурией выдалась весьма и весьма плодотворной. Во-первых, нам удалось идентифицировать еще одного ребенка на фото. Им оказался Макар, который на данный момент благополучно иммигрировал в штаты и живет там, со слов Вальдемаровны, припеваючи. Макара и Таню объединяли следующие факторы: оба были детдомовцами. На момент пропажи Тани было шесть. Макару, когда его забрали приемные родители, также было шесть. С обоими детьми так или иначе связан дед Матвей и его приемная дочь. Матвей (судя по всему, под другим именем) способствовал усыновлению Макара десять лет назад. Галина привела в приют приемных родителей для Тани из Москвы. То есть оба они выступали в каком-то роде посредниками при усыновлении. К тому же в приюте работает умалишенный Фома Городин, который, по словам директора, просто душа и гениальный математик. По факту же он коротает дни в психушке за жестокое обращение с живот-

ными и проходит принудительную терапию. Дело обрастало новыми подробностями, и я строчил, как пулемет, страдая запечатлеть в своем ежедневнике как можно больше деталей, ведь надежда на удачный исход в данном мероприятии по большому счету возлагалась лишь на меня.

## Запись 6

Тот же день

Мы прибыли в участок аккурат к онлайн-допросу семьи Афанасенковых. У входа нас встретил Дмитрий – запыхавшийся, издающий весьма неприятный запах. Охранник у входа, Игнат, поздоровался с Соловьевым, откозырял ему по-казацки, сплюнул в клумбу табак и кашлянул. Поздоровался и со мной, назвав благородным товарищем. Странное взаимоисключающее друг друга определение, но мне оно даже понравилось.

– Звонили эксперты из Екатеринбурга, – на ходу тараторил Дмитрий, попевая за расторопным начальником, спешащим на допрос. – Сказали, что... Что фотографии из погребца деда Матвея как бы слишком старые.

– Что значит «как бы слишком старые»? – раздраженно бросил шеф, снимая на ходу фуражку. – Формируй мысли правильно, Дима, еб твою мать. Не студент чай.

– По предварительным результатам экспертизы, они были напечатаны сто лет назад, – выпалил на одном дыхании дру-

жинник.

– Что за бред ты несешь? – остановился Соловьев, вслед за ним притормозил я и сам Димка. Мы стояли в холле, не дойдя нескольких шагов до капитанского кабинета.

У двери в приемном отделении сидел кузнец Всеволод, внимательно наблюдавший за процессией, тянущейся в сторону эпицентра участка.

– Что мне передали, то и докладываю, – помощник пожал плечами. – Они сами там понять ничего не могут – сейчас заново все проверяют.

– Ну, вот пускай и проверяют, нечего сюда названивать лишний раз, – буркнул капитан. – Сто лет! Пускай выспятся сначала, а потом заключения дают. Эксперты хуевы.

– Что по моим поручениям? – обратился я к Диме, и он переключил свое внимание на меня.

– Так, так, – глаза его забегали, он пытался собрать мысли воедино. – Официально о пропаже свиньи никто не заявлял. Я пробежался по домам тех, кто содержит скот, – у всех животные на месте. Поговорил и с доктором нашим – у него также ничего из препаратов не пропало. Анестезии и без того особо нет в отделении местном – он количество каждого своего препарата на память помнит. Тут, если и случается что, вся деревня в курсе сразу. Обычно в Екатеринбург экстренно везут, тяжелым больным особо в наших условиях не поможешь.

– Я слышал, вы о свиньях говорите, – раздался гулкий бас,

и стены ветхого здания едва не затряслись. К нам приблизился кузнец Всеволод. Косматый исполин, пахнувший потом и травой, с возвышенности своего роста оглядел нас всех своими проникновенными голубыми глазами.

– Допустим, – насупился капитан. – У тебя есть что сказать, Всеволод?

– Я вообще-то к вам на прием, Виктор Иванович, – кивнул он. В голосе звучала обида.

– У нас сейчас допрос, – бросил капитан. – И вообще нынче время такое – на прием лучше заранее записываться. Говори тут, раз уж пришел.

Кузнец с недоверием покосился на меня.

– Говори, Всеволод, Илларион Федорович – полноценный участник расследования.

– С каких это пор, Виктор Иванович? – кузнец упер руки в бока. – С каких это пор какой-то сибарит тут указывать нам будет? Вся деревня так и гудит, только его да выходки эти барские обсуждают. Вы с ним тут возитесь целыми днями, уже и на прием записываться надо. Ну, куда это годится, товарищ капитан? А вдруг он засланный какой, а? Масон или англосакс какой?

Я улыбнулся, облокотился о подоконник в предвкушении волнующей беседы.

– А ты чего это распетушился так, а? – рявкнул Соловьев, которого наезд кузнеца, похоже, порядком зацепил. – Или тебе бока не мяли давно? Ты вообще кем себя возомнил,

Всеволод? Пуп земли аки кто?

– Да я... – кузнец почесал своей огромной лапой затылок, потупил взгляд. – Я ведь, Виктор Иванович, как лучше хочу. За деревню ратую, за народ наш. А тут... – он косо на меня взглянул мельком.

– Ах ты змей ядовитый! – фыркнул капитан и сделал шаг навстречу Всеволоду. Детина отступил. – А ну-ка быстро выкладывай, зачем пришел, и за работу! Будешь еще люд честной от дел отвлекать!

– Ну, – кузнец вздохнул, еще отступил немного, превратившись из грозного медведя в испуганного щенка. – Мы прочесывали сегодня северную часть леса и нашли там мертвую свинью... На голове след от удара молота, но забивал точно не профессионал – удар пришелся неточно, животное умерло не сразу, пришлось еще раз бить. Брюхо вспорото, внутренности вырезаны – тоже с огрехами, топорно. Остальное не тронато. Свинья уже разлагаться начала, где-то кости даже показались. Не то лиса, не то волк погрызть успел. Один из добровольцев на запах вышел, думали, что девочку увидим... Но, бог миловал, обошлось. Не дай боже такое кому-то в жизни увидеть.

– Нужно ее притащить, – покачал головой капитан, явно удивленный рассказом кузнеца. – Свинью в смысле. И снова экспертов вызвать. Пускай копаются, сопоставляют все, – он уже было собирался путь свой продолжить, но замер, потупился. – Вы молодцы, Всеволод. Хорошо поработали.

– Виктор Иванович, – вздохнув, буркнул кузнец. – Тут такое дело... думаю, нужно заканчивать с поисками. Мы уже весь периметр вдоль и поперек прочесали. С утра до поздней ночи ходим там. Я уже каждое дерево знаю, а что толку? Никаких следов нет. Дальше уже дороги пошли да просторы всякие не нашинские. Народ жалуется, с неохотой идет, многие так вообще не приходят теперь. Отца Янссена нет – он ведь вдохновитель ихний. Как речь свою проговорит, так они рвутся снова в лес воодушевленные.

– Еще пару дней, – капитан положил руку кузнецу на плечо. – Потерпите еще пару дней, поищите. Вдруг живая... Та-ня-то.

– Пару дней-то еще подежури́м... – пожал плечами исполин Всеволод. – Я-то и дольше могу, мне не привыкать среди природы лазать. Народ бунтует. Они там, в Общине, хоть зарабатывали что-то, а тут – впустую целыми днями. Их понять можно – жрать-то хочется.

– Давай, если что, в курс ставь, – кивнул капитан. – И не серчай на меня за сказанное. Дел невпроворот, на нервах все.

Кузнец молча развернулся и медленно поплелся к выходу. Мы с капитаном и Димой вошли в кабинет. Соловьев включил вентилятор на подоконнике, уселся за свой стол, я встал позади него, а внештатник расположился за столом напротив, готовый стенографировать допрос.

– Ну и пилюли у вас, – тихо буркнул капитан. – Энергия так и прет.

– А вечером, капитан, еще и жену порадуешь, – ответил я.

Он прыснул и бросил взгляд на Диму, который уткнулся в свой смартфон.

– После допроса поедешь с кузнецом в лес, – бросил капитан помощнику. – Привезите эту свинью... Сюда, наверное. И экспертов вызови – пускай выдвигаются сразу. Вдруг чего полезного найдут.

Димка лишь кивнул. Безотказный был. Настоящий мент.

Компьютер загрузился. Капитан настроил веб-камеру, вошел в «Скайп» и начал видеоконференцию. После нескольких гудков на экране его старенького монитора показались два лица. Мужчина – полный, грузный, лет шестидесяти, в очках, с красным лицом. Женщина – полная, грузная, лет пятидесяти девяти, в очках, с красным лицом. В общем, совершенно типичная пара современной духовной Руси. На заднем плане красовалась целая палитра всевозможных икон на фоне ковра, фикус и пара фотографий из Евпатории. Вся семейная гордость в одной сцене.

– Добрый день, капитан Соловьев, начальник отдела полиции по Большой Руке, – представился кэп, попутно перебирая бумаги на своем столе. – Это – Илларион Федорович Лихачевский, представитель прессы. Он будет присутствовать при допросе.

– Здравствуйте, – с запозданием ответил мужчина. Скорость интернета в этой глухомани была способна довести до инсульта. – Я – Борис, это – моя супруга Валентина.

– Мы ведем расследование убийства некоего Матвея Петровича Барина, – продолжил капитан. – По крайней мере, в нашей базе данных он числится под этим именем. Нам известно, что вы подверглись с его стороны преступным действиям. Расскажите все, что вам известно об этом, и как можно подробнее.

– Ох, ну и вопросы у вас, – покачал головой Борис, изобразив страдальческую гримасу. – Мне как сказали, о чем наш разговор будет, так я не сразу и сообразил. Это ведь тридцать лет назад было... Столько всего уже с того времени случилось. Ладно, кхм, сейчас будем вспоминать, – он переглянулся с женой. Та выглядела напуганной и напряженной. – Значит, приехали мы в Малую Руку в восемьдесят шестом из Свердловска тогдашнего. Хотели в глуши пожить какое-то время да и ребенка найти себе из приюта. У моей Валентины... В общем, своих детей мы иметь не можем, вот и придумали приютить себе чадо... Ну, прожили мы там пару лет и усыновили Максимку после недолгих проволочек с бумагами, ему тогда сколько было? Шесть, да, точно лет шесть было. Когда все формальности были завершены, мы как раз дом закончили обустраивать в Большой Руке – купили после бабули одной усопшей, в порядок думали привести, хозяйством обзавестись – я уж и загон для лошадей построил, и хлев. Тут и начался этот кошмар. Матвей этот ваш, хотя мы его под именем Алексей знали... До сих пор не пойму, как его звать-то взаправду. В общем, сначала он в гости напро-

сился к нам, прямо внаглую, особо не церемонясь.

– Точно! – подхватила супруга. – И мы еще тогда удивились – чего это он такой назойливый? Да вроде потом все на деревенскую простоту списали. В городе люди как-то с незнакомыми не особо общаются, а этот прям в друзья лез.

– Мы думали даже, что у него с головой не все в порядке – выискивал что-то постоянно, вынюхивал все время, странно как-то вел себя. Потом он буквально каждый день к нам ходить принялся: выдумает что-то – и как к себе домой. Лишь бы повод был. Начал заводить разговоры о том, что тут жизни нет, что нужно в город ехать, подальше, дескать, из этого гадюшника. Ну, мы его в один момент уже и выставили прочь, я, кажется, ему даже нагрубил тогда, не помню точно. Его это, конечно, не остановило – как заладит со своим городом... Один раз чуть до драки не дошло, так он и обронил, мол, если не уедете отсюда, я вас перебью всех и сына вашего первым угроблю.

– Верно, верно, – снова вставила Валентина. – Так прямо и сказал. Тут мы уже серьезно насторожились. Правда страшно стало. Тут ведь полно психов вокруг – недалеко исправительное учреждение, мало ли что ему в голову взбредет. Нож возьмет да ночью прирежет всех.

– Когда угрозы эти начали сыпаться каждый день, – продолжил Борис, – мы заявление подали в милицию, собрали вещи да и уехали в Свердловск обратно от греха подальше. Решили там пожить, пока все не уляжется, уж больно запу-

гал нас Алексей этот. А потом его посадили в тюрьму, мы прижились даже как-то в Свердловске, Максимка в школу пошел, так мы и остались там – намотались туда-сюда ездить. Больше с бумагами возни. Да и уж больно нехорошие воспоминания о деревенской жизни остались.

– Какую цель преследовал Матвей? – задал вопрос капитан. – Зачем он настаивал на вашем отъезде?

– Сами не понимаем, – развел руками Борис. – Сначала мы думали, что он просто больной. Но вроде бы по внешним признакам не скажешь – выглядел прилично, опрятно, речь была связной, взгляд чистый. Потом уже додумали до того, что он на дом наш как-то претендует, может, махинации какие-то с бумагами делал. Не знаю... Он постоянно говорил, что Максиму грозит опасность. Говорил, что если не уедем, лишимся сына. Кажется, так. Все время про Максима спрашивал, даже из тюрьмы интересовался, как там сын наш поживает. Жуть какая-то... Сидим себе, никого не трогаем, а тут письмо приходит из мест не столь отдаленных. А там он – расспрашивает, что и как... Будто мы, блин, с ним лучшими друзьями были.

– Он не говорил, каким образом вы должны лишиться своего сына?

– Нет, все время какими-то намеками, загадками говорил, как будто боялся чего лишнего сказать. Постоянно твердил, мол, берегите чадо ваше. Берегите Максимку, подумайте, что если ему недолго жить осталось. Больной, это уж точно.

И постоянно какими-то витиеватыми фразами, какими-то, блин, аллегориями. Как будто мы в романе каком-то.

– Это точно, – кивнула жена.

– У вашего Максима есть клеймо на запястье? – вклинился я в допрос.

Возникла недолгая пауза, вызванная то ли внезапным моим оживлением, то ли качеством интернет-соединения.

– Да нет никакого клейма, – покачала головой мать, поглядывая на меня с подозрением. – Ему тридцать шесть лет, ребятушки. У самого уже трое детей. Живет себе припеваючи, работает. Татуировки есть, мы не одобряем, конечно, но кто спрашивать-то будет? Двадцать первый век на дворе. Взрослый мальчик ведь. А клейма никакого не было никогда, упаси господь, – она перекрестилась.

– Это ваш сын? – я приставил к веб-камере свой смартфон, на котором виднелась фотография с доски Матвея. На ней был изображен мальчик с надписью «88» сверху и с подписями «ОБ» и «МР» снизу.

– Наш, – удивленно закивала мать и переглянулась с Борисом. – Это еще в детдомовскую пору, наверное, сделали. Откуда у вас эта фотография?

Я, конечно, не ответил.

– Узнаете еще кого-то здесь? – спохватился капитан и показал остальные фотографии. После продолжительного изучения супруги подтвердили, что никого, кроме Тани, о которой читали в новостных лентах, больше не узнали.

– Позвольте спросить, а что такого произошло, что вы нас выдернули через тридцать лет? – вдруг поинтересовалась Валентина.

– Обидчика вашего убили, – ответил Соловьев. – С особой жестокостью. Вот мы и расследуем дело.

– Боже ты мой! – воскликнула женщина и снова перекрестилась.

– У вас есть, что добавить к сказанному?

– Да чего уж тут добавить?

– Если вспомните, свяжитесь со мной, – кивнул Соловьев. – Спасибо за выделенное время, до свидания.

– До свидания! – в унисон пропела пара.

Связь разъединилась. Капитан откинулся на спинку стула и закурил.

– Все успел записать? – спросил он у Димы. Тот кивнул. – Что скажете? – посмотрел он на меня.

– Пару выводов сделал, – ответил я. – Во-первых, этот ваш дед Матвей не так прост, как все вокруг думали. Одни говорят, что он замкнутый, необщительный. Другие утверждают, что в друзья насильно напрашивался. То же самое и с Галиной, дочкой его. Слишком полярные описания, как будто о разных людях идет речь. Кто-то и вовсе знал Матвея под именем Алексей. Как такое возможно в маленькой деревне?

– Хрен его знает, – пожал плечами капитан. – До меня только сейчас дошло, что у него и документов никогда не было, а никто и не просил никогда документов этих. Заявление

на утерю написал, сделали паспорт новый, он и его утерял. А больше и не восстанавливал. В тюрьме человек отсидел, а его имени настоящего, даты рождения да и вообще судьбы его никто толком и не знает. Вот говорят Афанасенковы, что он прилипал к ним, донимал, а я и представить себе не мог, что Матвей этот на такое способен. Нет, тут явно чертовщина какая-то происходит, ей-богу. Может, и правда два разных человека?

Капитан покачал головой и затынулся. Мы молчали. Дмитрий закончил писать отчет и сразу отправился в лес, чтобы заняться свиным трупом. Мы просидели в кабинете еще с пару часов, я бороздил интернет, чертил различные схемы, думал, поглощенный с головой в происходящие прямо под носом события. Соловьев занимался протокольной писаниной, много курил, бурчал себе под нос. Затем капитан посмотрел на часы, привстал, потянулся.

– К шести близится, – хрустнув шеей, сказал он. – Наташка на стол накрыла, обещал сегодня не задерживаться. Гости у нас.

– Да, капитан, пора и честь знать, – я поднялся, взял со стула пиджак и принялся собирать вещи, чувствуя, как давит на меня багаж бессонной ночи.

– А вы-то домой? – как-то с подозрением спросил он.

– Ну а куда же еще?

– Так давайте к нам в гости, Илларион Федорович!

– Это еще зачем?

– Как это зачем? Я вас со своей семьей познакомлю, выпьем самогонки домашней. Батя до сих пор гонит – это вам не ваш виски заморский. Самый чистый продукт! Да и Наташка моя все хотела с вами познакомиться, постоянно о вас спрашивает. Она такой холодец делает – закачаетесь! Поехали, будьте гостем, а?

– Что ж, поехали, – кивнул я. – Почему бы и нет?

Я отпустил Ивана до девяти часов вечера, уселся в Соловьевскую «семерку», и мы тронулись в сторону его дома. Капитан был явно доволен тем, что я согласился на его приглашение. Всю дорогу шутил, хохотал, даже разоткровенничался.

– Я ведь ментом никогда не хотел быть... – говорил он за рулем, поправляя фуражку. – Меня в восемьдесят шестом определили в академию МВД, так тут вся Большая Рука гуляла неделю без продыху – среди местных это за честь – в ментовке работать или еще где на государственном жаловании. С голоду никогда не помрешь, авторитет какой-никакой, льготы разные. Я в Свердловске пять лет отучился и обратно сюда вернулся летехой. Участковым сразу приехал. Начальником тут на две деревни тогда Игнат был, тот, что сторожем у нас теперь работает. Он как на пенсию ушел в две тысячи третьем, так я и сменил его на посту – капитана получил, должность почетная. Снова гуляли всей деревней, отмечали. Думал, вот накоплю что-то, отложу, а потом уеду к чертовой матери в Екатеринбург и кафешку свою открою.

Небольшую, с хорошим борщом и холодцом. Наташка такой холодец делает... Да вот только у меня дочка первая родилась – и тут все планы резко поменялись. Мы поздно разродились – мне сорок уже было, да и Наташе тоже. Погодки мы, одноклассники. Дочка первая, Маша, с астмой родилась. Это все я виноват – курил всю жизнь как паровоз, вот и наградил ее... Денег поначалу много уходило, выхаживали бедняжку, лечили. Какая уж там кафешка? Тут бы на ингаляторы эти наскрести да на хлеб... А потом вторую взяли из приюта через три года – Варю. У нее тоже проблемы были, но другого характера – аллергия сильная. Все хотели в Анапу уехать, там вроде климат благоприятный для астматиков и аллергиков. Рапорт написал, перевод запросил, а мне из Екатеринбурга – болты. Начальник местный погрозил пальцем, дескать, «сиди там у себя и не высывайся». Меня ведь тут почти никто не трогает сверху, сам себе хозяин – что хочу, то и ворочу... – он покосился на меня и осекся. – Все в рамках закона, естественно. Я не говорю, что я образец для подражания...

– А я, капитан, и не жду от тебя этого, – усмехнулся я. – Есть система. Есть человек. Система остается системой всегда. А вот если человек остается человеком в этой системе, он уже имеет право считаться достойным. Кстати, о системе. Меня интересует ваша мажорка местная. Хозяйка медной горы, та, что психами заведует.

– А, Ядвига Павловна, – кивнул капитан.

– Как так получилось, что она живет тут на широкоую ногу и никто даже глазом не ведет?

– Да тут история мутная, Илларион Федорович, – покачал головой капитан. – Ходят слухи, что у нее покровитель в Госдуме сидит. Любовник чи кто... Она тут персона неприкосновенная, обожествленная, можно сказать. Поначалу, как только ее сюда на должность заведующей прислали, народ возмутился. Дескать, тащит и не стесняется... Я пару раз к ней наведывался... Мне потом из Екатеринбурга звонили с намеками разными. Я такие намеки схватываю быстро... Сюда даже ФСБшники приезжали с обыском. Три дня что-то в лечебнице искали.

– Нашли?

– Может, и нашли... А может, и нет. Кто их знает? Им ведь тоже позвонить могут сверху.

– И что, все так и живут? Она жирует у всех на виду, и всем насрать?

– Так мы в России живем или где? – усмехнулся Соловьев. – У наших людей подход такой: сильных – бояться. Слабых – угнетать. Если есть возможность урвать, бери. А если не берешь, возьмут другие, а сам с голой жопой останешься и дураком прослывешь. Да разве у нас одних так?

– Если бы у вас одних...

– Ну, а как быть? С голодухи помирать?

– Не жди от меня ответа, капитан. В таких делах я не советчик. Я лишь наблюдатель, не больше.

– Ну, а вы-то сами почему из России не уедете? – вдруг спросил капитан. – С вашими капиталами-то хоть куда можно.

– Бывал везде уже, – ответил я, глядя в окно. – И побываю еще непременно. Пока же в России решил пожить, дела здесь вроде как появились, работа. А вообще я Париж люблю.

– Париж, – закивал Соловьев. – Старшая моя все мечтает попасть туда... Грезит Парижем этим. Ну и что, правда там красиво?

– Правда, капитан, правда, – кивнул я и усмехнулся.

– Да уж, куда там Париж? Мы даже в Екатеринбург вырваться не смогли, – почесав затылок, проговорил он. – Так и поглотила нас эта деревенская жизнь. Если б заново все начать...

– Заново не получится, – сказал я. – Но начать никогда не поздно.

Мы заехали по пути в продуктовый магазин, капитан набил пакеты провизией, и двинулись дальше. Соловьевский дом располагался по улице Свердлова, почти на окраине. Солнце уже садилось, жители Большой Руки жгли костры, дым от которых заполнял пространство, по дороге бегали курицы, пастухи возвращались с пастбищ, окруженные козами и овцами. Пахло скошенной травой, лавандой. Цикады заводили свою песню.

– Виктор Иванович, я Наталье сегодня сало передал, – выкрикнул смуглый сморщенный мужичонка лет под шестьде-

сят. Он проходил мимо, погоняя своих коз лозой.

– Спасибо, Сережа, отведаем, – захлопнув дверь машины, ответил капитан. – Как там Нина? Лекарства помогают?

– С божьей помощью. Спасибо вам за все.

– Ну, бывай, Сережа.

– И вам здоровьица.

– Пойдемте, Илларион Федорович, пойдемте, – засеменял в сторону дома Соловьев, прихватив с заднего сидения пакеты с продуктами и свою полицейскую сумку.

Дом у капитана был типичным образцом местного зодчества – небольшой, обшарпанный, обнесенный покосившимся деревянным забором. Крыша из шифера, окна деревянные, во дворе – срач и мрак. Антенна «Триколора», дым из трубы, куча сырых дров у крыльца. И белье. Они вечно сушат свое бесконечное белье на этих веревках. Мелкая гавк-ливая дворняга встретила нас то ли радостным визгом, то ли остервенелым лаем. Соловьев приветственно потрепал ее за ухом. Собака обоссалась от счастья и обмякла. На крыльцо выбежала девочка лет двенадцати. Пухлая, веснушчатая, с близко расположенными друг к другу глазами, с заплетенными в гульку светлыми волосами. Розовые щеки ее источали деревенское здоровье.

– Папа, привет! – выкрикнула она с порога и обняла Соловьева за пояс. Качнулся пистолет в кобуре на ремне.

– Варька! – прикрикнул капитан и передал девочке пакеты. – Неси давай в дом, пускай мамка накрывает. Скажи, что

Илларион Федорович пришел. Давай, быстро!

Варя смерила меня любопытным взглядом, какой обычно присущ людям, в жизни которых мало что происходит, схватила пакеты и нырнула в дом. Мы прошли в сени. Пахло луком и картошкой. Из зала доносилась музыка – что-то вроде «Звезды в небе горят, когда ты рядом со мной. Тебе я повторю сто раз подряд – ты не такой, ты не такой». Я поморщился и разулся, поставив свои итальянские туфли в один ряд с десятком пар самой разной обуви, в основном изрядно потрепанной. Капитанские казенные ботинки небрежно были брошены рядом.

– Наташенька, поди сюда! – выкрикнул капитан с порога.

На зов явилась супруга. Грациозно появившись в проходе, она оперлась плечом о косяк и впилась в меня каким-то хищническим, доселе не встречавшимся в этой глуши взглядом. Это была немолодая особа, ровесница своего мужа, но выглядела Наталья подтянутой и стройной, далеко не на свой возраст. На ней было какое-то домашнее платье, платок, в руках она держала полотенце. Казалось бы, типичная представительница деревенского домостроя. Но с ней что-то было не так. Широкие скулы, аккуратный нос, рослая, пышущая жизнью, она обладала каким-то пронзительным ядовитым взглядом. Соловьев приблизился к ней и поцеловал в губы, удосужившись мимолетного приветственного взгляда.

– Знакомься, зая, это Илларион Федорович, про которого я тебе рассказывал, – указывая на меня, проговорил капитан.

Она нескромно изучила меня, осмотрев с ног до головы, затем как-то небрежно закинула полотенце на плечо и приблизилась. Близко. Настолько, что я ощутил ее запах – вроде не благовония, но отчего-то приятный и манящий.

– Витя мне про вас часто рассказывает, – проговорила Наталья, не отрывая от меня своего взора. – Я вот только одного понять не могу. Почем вы – Федорович?

– Папаша имя Федор носил, чего тут непонятного? – пожал я плечами. – Или у вас в глубинке так не нарекают?

– Я не об этом, – качнула она головой. – Сколько вам лет, скажите? Тридцать?

– Немногим за двадцать.

– Так за какие такие заслуги все вокруг вас по отчеству зовут?

– Наташа... – сквозь зубы процедил Соловьев, краснея. – Не начинай.

– Все в порядке, капитан, – улыбнулся я. – Не будь тираном. Я с большим удовольствием общаюсь с людьми, которые не скрывают своих чувств. Это очень хороший и смелый вопрос, – перевел я взгляд на Наталью. – Как меня называть, решаю не я. Это решаете только вы. Если вы уверены в себе и готовы на это, я буду для вас просто Илларионом. Это дано всем, но не все этим пользуются, предпочитая ставить себя на ступень ниже. Я не против, раз холопское мышление накладывает подобные ограничения. Естественно, данное утверждение не относится к официальной сфере,

где принято называть друг друга по имени-отчеству. Я ответил на ваш вопрос?

Она все так же сверлила меня своим странным взглядом, а на лице ее проскальзывала едва заметная хитрая улыбка.

– Пройдемте в дом, Илларион, – наконец ответила она, снова на ее лице проскочила эта едва заметная улыбка. – Ужин остывает.

И мы прошли в дом. Обиталище сие было наполнено уютом, стоило отдать должное хозяйке. Чисто, аккуратно, без вони и плесени. Дом был небольшим – зал, три комнаты, кухня и погреб. Стол был накрыт в зале, куда мы и проследовали. На стене висел ковер – символ благосостояния трудового советского народа. Противоположная стена была увешана иконами и полицейскими грамотами. Что за дивная картина? Небольшой телевизор транслировал новости, в которых ведущий, брызгая ядом, уверял, что Европе осталось совсем недолго до краха, а госдолг США достиг немыслимых размеров.

– Ну и вкусотища! – проговорил Соловьев, входя в залу и принюхиваясь. – А пахнет-то как! Ну, Наташка! Ну, мастерица! Знакомьтесь, хлопцы! Илларион Федорович Лихачевский. Почтил нас своим присутствием, прошу любить и жаловать, – лица, если их можно так назвать, замерли в непонимании.

Я коротко кивнул. За столом сидели шестеро. Во главе – престарелый сморщенный мужчинка далеко за восемьдесят.

Стало быть, капитанский отец. Рядом с ним – потрепанный водкой мужик в помятой футболке и с еще более помятой рожей. Слева – рыжий, выпаленный солнцем крестьянин лет сорока пяти. В рубахе с подкатанными рукавами, мощный, плечистый, лохматый. Только с полей. Далее – его жена. Толстенная бабенка, едва уместяющаяся на стуле, с маленькими глазками и недовольным лицом. Следом за ними – деловой мужик комсомольского вида в дешевом сером костюме не по размеру. Лицо отягощено бременем, в глазах суета и тревога. Женщина его – вульгарная особа с ярко-красными губами, химической завивкой на волосах и в зеленом блестящем платье, в котором она, судя по всему, отмечала свои давно ушедшие тридцать лет.

Капитан представил меня публике и усадил за стол – между папаней и собой. Наталья и дочери суетились на кухне, вынося блюда. Звенела посуда, пищала микроволновка, брызгал ядом ведущий из телевизора. Наступило неловкое молчание, крестьяне тушевались, веселье встало на паузу, и я не спешил брать инициативу в свои руки. Барин ждал, потешался.

– Ну, так и что там дальше-то? – вдруг как-то неуверенно проговорил мужик в костюме, обращаясь к толстой жене рыжего, рассказ которой, судя по всему, прервало мое появление. – Ты не досказала, Тань.

– Ну, а что дальше? – пробудилась та. – Козел он, вот и все. Таких начальников поискать еще надо. Я ему говорю: мне

отгул нужен позарез. На свадьбу в Малую Руку надо. Дашка в четверг играет, так дешевле, чем в субботу замуж выходить. И так кредит взяла двести тысяч, все места расписаны.

– А он? – вступила в разговор поклонница химических завивок.

– А что он? – прыснула толстуха. – Козел же, говорю. «Надо заявление писать, да за неделю»! Тьфу на такого! Свадьба раз в жизни бывает. А работа эта... Ну ее! Да я бы в лицо ему плюнула и ушла с концами.

– И правда козел, – закивала собеседница. – Что же ты?

– А что я? – развела руками Таня. – Работать буду, что еще делать? Где ж работу у нас найдешь? Приходится терпеть козлов. Дашка обиделась, сказала, что на мое место уже других гостей нашла. А я и подарок уже купила... Вон в «Магните» белье по скидке. Придется сдавать теперь, – и она вздохнула с искренней грустью.

– Слушай, Тань, так Даша твоя уже вроде замужем была, – вступил в диалог алкоголик с запитым лицом.

– Была, – подтвердила баба. – Два раза. Но бог ведь троицу любит!

За столом раздался смех, я улыбнулся. Обстановка начала выравниваться.

– Ну, негоже застолью без рюмки, – разливая самогон, проговорил алкоголик и поглядел на меня как будто с опаской. Соловьев придвинул мне рюмку. Гости старались на меня не смотреть, а если и смотрели, то украдкой, короткими

взглядами. Исключением был грузный отец капитана, который не сводил с меня глаз. Он был полностью лыс, в очках, гладко выбрит и весь покрыт морщинами.

– Ну, хлопцы, будем! – провозгласил алкоголик, все выпили. Выпил и я, заняв самогон малосольным огурцом. Соловьев не соврал – самогон был отменного качества.

– А вы видели, Степаныч участок какой купил себе на Гагарина? – снова началась оживленная беседа.

– Да уж, – закивал рыжий. – Деньги водятся. В стране кризис, а он участки себе покупает. Говорят, будет там очередную теплицу делать. Овощи его хорошо раскупают.

– Да прохиндей он, все это знают, – махнул рукой алкаш. – Это давно еще понятно было. Чего это он не общается ни с кем? На праздники не ходит, в долг не дает! Ну, разве можно так?

– Деловой стал, зазнался, – закивала толстая баба. – И машину купил себе, видели? «Тойоту» новую. Ездит, налюбоваться не может. Моет каждое утро, намывает.

– Сектант, зуб даю, – откусывая котлету, вставил мужик в костюме. – В храм не ходит, не пьет. Я таких знаю, на вид вроде приличный, копни глубже – сантолог!

– Кто? – насупилась химическая завивка.

– Ну, сантолог! Не знаешь, что ли? Секта такая. По «Первому» показывали.

– Свят, свят, – перекрестилась толстая. – Не хватало нам еще тут всяких... И правда сектант. Подумать только, в долг

не дает. Это ж надо!

– А вы знаете, что учудил он на той неделе?

– Ну, и что?

– Дочку, говорит, в Европу отправлю учиться! Это мне по секрету одна сказала. Соседка его.

– Да ну! – выкрикнул алкоголик и хлопнул себя по лбу.

Рыжий закачал головой, толстая крестилась.

– В Европу-то? – вставил отец Соловьева. – Да там пидарасы одни, чего там делать девке-то приличной? Она у него не дурная совсем, замуж ее быстрее надо.

– Точно сантолог! – подтвердил мужик в костюме. – Нормальный человек такого своему ребенку не пожелает! Это ж где видано? В Европу русской девке! Ну, предатель! И деньги водятся, значит, откладывает, жидяра поганый. Нет чтоб людям порядочным помогать – вредительством занимается.

– Нет, ну ты-то куда смотришь, Вить? – развел руками отец. – Ну, повлияй на этого дурака! Он же девку сгубит!

– А я что могу сделать? – беспомощно развел руками Соловьев.

– Ну, ты же капитан! Прими меры!

– Да я... – Соловьев затушевался. – Да пускай делает, что хочет! Его жизнь! Мужик зарабатывает, чего вы его деньги считаете?

– Вот из-за таких, как ты, и просрали великую страну, – буркнул старик, ударив по столу кулаком. – Не позорь меня, Витька! Молчал бы лучше!

– Да ну вас! – махнул рукой капитан.

– Вить, ты лучше расскажи, что там у вас творится? – оживился мужик в костюме. – Страшно жить становится.

– Рассказывать пока особо нечего, – капитан наложил в тарелку очередную порцию оливье. – Идем по следам. Илларион Федорович оказывает непосильную помощь следствию.

– Ишь ты! – крикнул старик. – Федорович, Федорович! Чего это стати? Сопляк, куда ни плюнь такие.

– А для тебя он просто Илларион, – появившись из кухни, сказала Наталья. – Ты у нас человек уважаемый. Войну прошел.

– Много чести, – буркнул дед. – Наслышан я об нем.

– Папа, – Соловьев схватил отца за локоть, но тот вырвался.

– Так поведайте, чего народ молвит, – с улыбкой проговорил я.

– Я коль ведать начну, так ты со стыда соришь, – огрызнулся отец.

– Я не из стыдливых, рассказывайте.

Наталья с любопытством присела за стол и уставилась на меня.

– Говорят наши, что богатей пожаловал на деревню, – прохрипел старик. – Деньгами сорит, хамит, порядки свои устанавливает. Состояние неизвестно как нажил – вор какой али бандит. Унизительно к людям нашим относится, носом воротит, сопляк. Но самое обидное, что сын мой с этим вы-

скочкой водится. Противно и обидно. Неужели купил он тебя, а?

Старик со злобой поглядел на Соловьева, тот с размаху бросил вилку на пол и подскочил со стула, возвысившись всей своей массой над прародителем.

– Сядь, не позорься, – вякнул старик. Соловьев повиновался. Наталья снова улыбнулась. Гости затихли.

– В такие моменты я ощущаю радость от того, что папка мой давно на том свете, – вставил я.

– Илларион, – тут же среагировала Наталья, не дав вспыхнуть новому пламени, которое разгоралось в старике. – Расскажите о себе. Людям интересно.

– Рассказ может затянуться на неприлично длительное время, не хочу вас утомлять.

– И все же, – настояла она.

– Родился в Петербурге, учился в Париже. Родители померли, есть состояние, журналист.

– И это все? – развела руками Соловьева. – Мне казалось, что у вас куда более насыщенная жизнь. По крайней мере, по словам моего мужа.

– Большинству из моих приключений не место за этим столом, учитывая настрой некоторых личностей, – я покосился на деда, но он, похоже, не понял моего посыла. – А что скажете о себе вы?

– Моя жизнь так вообще не заслуживает отдельной беседы, – засмеялась Наталья. – Домохозяйка. Готовлю, помогаю

делать уроки, читаю. Иногда ублажаю мужа, но это редко.

Соловьев стиснул зубы. Я приснул. Дед погрузнел. Остальные сдерживали смех.

– Заметно, что читаете... – наконец ответил я, сужая участников беседы до двух человек. – И вы явно хотели большего...

– Хотела, кто ж не хотел? Но быстро спустилась на землю, и теперь мои «хотелки» куда приземленнее. Детей поднять, родителям не дать сдохнуть раньше времени. Да и семью в порядке содержать.

– Прямо-таки мечта... – закатил глаза я.

Наталья вздохнула. Соловьев держал ее за руку, вероятно, чтобы не брякнула лишнего.

– Да уж, – кивнула она и, изобразив истощенность своего интереса к моей персоне, повернулась к Виктору. – Как прошел рабочий день, дорогой?

– Да так... – капитан почесал затылок и поник, мысленно переносясь из домашнего уюта в атмосферу отчаяния.

– Ой, ну не раскисай давай, зая, – она погладила его по спине. – Бывает всякое, тебе ли привыкать? Найдете вы девочку. Да и с убийством этого... Матвея тоже разберетесь. Ты же у меня самый лучший... Ты всегда находишь выход.

Наталья положила голову ему на плечо. Капитан гладил жену по руке, явно испытывая смешанные чувства – смущение и спокойствие. Расклад в семье для меня становился понятен. Жена – главная. Она и умная, и красивая, и энергич-

ная. Соловьев – пахарь, который только и делает, что тупо выполняет свою работу, принося в дом доход. Папаша – по-лоумный тиран, довлеющий над сыном. Его все в доме бо-ются. Все, кроме Натальи, которая, вероятно, нашла к нему свой «умный» подход.

– Я тебя так люблю, – вздохнул капитан, который, каза-лось, разомлел и на долю секунды забыл, что за столом при-сутствуют и другие.

– И я тебя люблю, – был ответ жены. Протокольный и су-хой.

– А ты когда мне последний раз говорил такое, Толя? – возмутилась толстуха и уперла руки в бока. Рыжий перегля-нулся с мужиком в костюме, женщина которого также была готова к атаке.

– Последний раз – за день до того, как ты меня по башке сковородкой огрела! – огрызнулся он. Снова раздался хохот.

– Приревновала! – рявкнула та. – Вон Машка-то на чужих мужиков как смотрит. Сама развелась, так теперь в рот дру-гим заглядывает. Юбки короткие носит, расфуфыренная вся ходит. Ее бы в монастырь наш сдать, паскуду этакую.

– Так ее муж вроде бил, – вставил пьяница. – Вот и ушла от него.

– Ну и что? – выпучила глаза толстуха. – Меня, что ли, не бьет? Или тебя, Лариска? Всех нас бьют, когда нажрут. Так что теперь? Разводиться всякий раз? Такова доля наша бабская. Мужики сильные, а мы – умные.

И она растянулась в улыбке, блеснули золотые зубы, и рыжий слегка приобнял свою суженую за место, где должны быть бока.

– Илларион Федорович, – обратился ко мне мужик в костюме. – А вы, значит, в Париже бывали?

– Доводилось, – кивнул я.

– И на Эйфелевой башне были?

– Был.

Разговор зашел в тупик, и снова наступило молчание.

– Илларион Федорович помог нам сильно продвинуться в расследовании, – вставил вдруг капитан. – Он обладает высоким интеллектом и возможностями, которые приносят пользу этому делу.

– Простите, а вам-то это зачем? – вдруг спросил рыжий. – Вы ведь вроде... человек состоятельный.

– Я – журналист, веду расследование, чтобы сделать фильм, – ответил я. – И смею заметить, что состоятельность – это еще не все, к чему стоит стремиться в жизни.

– Ну, давай, поучи еще тут нас, – буркнул старик, и Соловьев метнул в него обеспокоенный взор. – Видали таких учителей.

– Папа! – процедил Соловьев.

– Илларион, скажите тост, – вдруг вставила Наталья и глянула на меня каким-то диким животным взглядом. Алкоголик быстро разлил самогон по рюмкам.

– Что ж, – я поднялся с места с рюмкой в руках. – Подни-

мая рюмку этого прекрасного самогона (а он и правда прекрасен, капитан не соврал), я хочу выпить за старческий ма-разм и непробиваемую глупость. Хочу выпить за зависть, за недалекость, за небрежность. Я хочу выпить за хамство, за желчь, за язвительность! За бедность и грязь, за прозябание и безвыходность! Я пью за глупость и трусость. За так называемую русскую душу. За Россию в целом, за нашу родину. За рванину и быдло! За вас, мои дорогие!

Я опрокинул рюмку, занюхал малосольным огурцом и молча отправился во двор под гробовое молчание. Встал на крыльце, расчехлил портсигар и закурил, любуясь деревенскими пейзажами.

– Жжете вы – тушить мне, – вдруг раздался голос Натальи. Она вышла на крыльцо, поравнялась со мной и закурила сигарету. – Там только и говорят о вас...

– Обо мне всегда говорят, – пожал я плечами.

– Но не всегда в хорошем ключе. Батюшку вот-вот кондрашка хватит.

– Я человек непростой, и это вполне меня устраивает. Если это не устраивает кого-то другого – наплевать. Я не уважаю возраст, потому что это естественный процесс, на результат которого решения, принимаемые человеком, не оказывают никакого влияния. Не уважаю спорные достижения или достижения, к которым у меня нет интереса. Я не уважаю большинство людей – по тем или иным причинам – и не скрываю своего пренебрежения. Не уважаю и тех, кто ждет

этого уважения лишь за то, что на их долю выпали какие-то испытания. И уважения к себе от людей подобных я не требую. Таков уж я, и кто-то принимает меня таким. Кто-то негодует. А кому-то вообще плевать. Так же как и мне абсолютно плевать на то, что думают обо мне другие люди. Независимый и богатый человек имеет возможность так размышлять, правда, немногие из богачей это понимают.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.